

ИЗУЧЕНИЕ В СССР ПРОБЛЕМ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ ПЕРИОДА ФЕОДАЛИЗМА

Л. В. Черепнин

XXII съезд КПСС, принявший новую Программу партии, поставил важные задачи перед советскими учеными, в том числе и перед историками. Над этими задачами должны задуматься исследователи, изучающие разные периоды всемирной и отечественной истории. В свете решений съезда заслуживает внимания и вопрос о путях развития советской исторической науки. Настоящая статья посвящена изучению отечественной истории периода феодализма в СССР. Подведение некоторых итогов этого изучения помогает наметить новые перспективы в указанной области.

К моменту Великой Октябрьской социалистической революции русская помещичье-буржуазная историография переживала глубокий кризис. Он развернулся еще на рубеже XIX—XX веков, когда начался ленинский этап в развитии марксистской исторической науки. Марксистско-ленинская теория дала возможность на основе научного познания законов общественного развития ориентироваться в важнейших вопросах современности, понять характер ее противоречий, объяснить их и научно предвидеть направление дальнейшего движения общества вперед. Наука в руках марксистов-ленинцев явилась руководством к революционному действию. В то же время помещичье-буржуазная историография все больше отказывалась от присущего ей в период ее восходящего развития представления о закономерности исторического процесса (трактуемого, конечно, и тогда идеалистически) и все чаще считала возможным заниматься лишь регистрацией фактов. Иногда буржуазные ученые, не отказываясь от обобщений, подменяли понятие объективного исторического закона то отвлеченными логическими категориями, не отображавшими реальных процессов, то суммой отдельных факторов (физических, химических, физиологических, и прежде всего психических). Объективная действительность иногда рассматривалась как субъективная категория.

Формы проявления кризиса помещичье-буржуазной историографии были многообразны. Существо же его заключалось в том, что буржуазная историография в силу своего идейного банкротства оказывалась бессильной объяснить направление и пути общественного развития, разобратся в настоящем, сделать научно убедительные выводы относительно будущего. Это бессилие сказалось и в отказе от понятия исторического прогресса, и в возрождении теории круговорота исторических явлений, и в том, что иногда представители буржуазно-помещичьей историографии переставали считать историю наукой и рассматривали ее как искусство, как вид художественного творчества, и, наконец, в прямом богоискательстве, ярким выражением которого были ренегатские «Вехи».

Кризис помещичье-буржуазной историографии был одним из проявлений общего банкротства идеологии существовавшего в царской России социального строя. Таким образом, этот идейный кризис явился отражением в области идеологии надвигавшейся неизбежной гибели капиталистической системы.

Философские основы кризиса помещичье-буржуазной историографии заключались в усилении влияния идеализма в различных отраслях гуманитарных наук. На это обращали внимание сами буржуазные ученые. Так, Р. Ю. Виппер писал о наступлении в начале XX в. «философской реакции, которая у нас едва ли случайно совпала с реакцией общественной». К идеализму обратились и те, кто ранее в той или иной степени испытал воздействие материалистического мировоззрения. «У нас ни один ученый социолог и юрист прошел столь известный путь «от марксизма к идеализму», — отмечал Виппер, подчеркивая при этом, что все идеалистические направления по большей части облекались в «форму какой-нибудь реставрации: это — неокантианцы, неофихтеанцы, неовиталисты и т. п. Назад к какой-нибудь тихой пристани, за какую-нибудь надежную стену!»¹

Итак, реакция в области философии как выражение усиления в период империализма контрреволюционных настроений в среде русской буржуазии, как отражение реакции общественно-политической — это то, что характерно для кризиса буржуазного мировоззрения. Об этом свидетельствует ряд трудов по философии и методологии истории конца XIX — начала XX в.: проникнутый духом крайнего мракобесия сборник статей «Проблемы идеализма»; отражавшие различные оттенки позитивизма, эмпириокритицизма и неокантианства, монографии и курсы Н. И. Кареева, Р. Ю. Виппера, А. С. Лаппо-Данилевского, Вен. М. Хвостова, Е. Н. Щепкина, Д. М. Петрушевского и др.² При всех различиях в трактовке отдельных философских проблем и понятий эти работы объединяет идеалистический подход к вопросам методологии изучения исторического процесса. Попытки некоторых буржуазных ученых подняться и над материализмом и над идеализмом, идя по пути эмпириокритицизма, оказывались теоретически несостоятельными и заводили их в полнейший тупик. В области буржуазной философии истории под флагом различных систем и направлений шла такая же борьба с революционной теорией, как в области политики с массовым народным революционным движением.

Характерной чертой кризиса буржуазной историографии была борьба с демократическими идеями, направленными против самодержавия и крепостничества. По словам В. И. Ленина, в то время «профессорская либеральная наука», отражавшая настроения контрреволюционной либеральной буржуазии, «нисколько не теряя престижа в «обществе», принимается всерьез уничтожать Маркса»³.

Лекционные курсы и работы ряда историков начала XX в. показывают нарастание кризиса помещичье-буржуазной исторической науки. Согласно концепции русского исторического процесса В. О. Ключевско-

¹ Р. Ю. Виппер. *Две интеллигенции и другие очерки*. М. 1912, стр. 262, 275.

² «Проблемы идеализма». М. 1902; Н. И. Кареев. *Основные вопросы философии истории*. СПб. 1907; его же. *Теория исторического знания*. СПб. 1913; его же. *Сущность исторического процесса и роль личности в истории*. СПб. 1914; Р. Ю. Виппер. *Очерки теории исторического познания*. М. 1911; его же. *Две интеллигенции и другие очерки*; А. С. Лаппо-Данилевский. *Методология истории*. Вып. I—II. СПб. 1910—1913; Вен. М. Хвостов. *Теория исторического процесса*. Очерки по философии и методологии истории. М. 1914; Е. Н. Щепкин. *Вопросы методологии истории*. «Летопись Историко-филологического общества при Новороссийском университете». Т. XII. Одесса. 1905; Д. М. Петрушевский. *К вопросу о логическом строе исторической науки*. Пг. 1916, и др.

³ В. И. Ленин. *Соч.* Т. 20, стр. 170.

го, труды которого представляют собой наиболее значительное достижение буржуазно-помещичьей либеральной историографии конца XIX в., существо общественно-политического развития России состояло в закреплении, а затем раскрепощении сословий властью в государственных интересах. П. Н. Милюковым эта концепция была доведена до логического конца и использована для доказательства якобы одностороннего развития России, выразившегося в повышенной активной роли, которую получила государственная надстройка при элементарно низком уровне развития экономического базиса⁴. Политический смысл этой концепции заключался в стремлении доказать невозможность пролетарской революции и неизбежность сохранения царизма как политической силы, якобы совершенно необходимой в условиях слабости общественно-экономического развития, вызывавшей нужду в государственной опеке. Официальное консервативное направление в русской историографии отражали «Лекции по русской истории» С. Ф. Платонова. Свою схему русского исторического процесса он строил, исходя из наблюдений за развитием прежде всего государства, существо общественного прогресса видел в росте единодержавия, «Смуту» начала XVII в. расценивал как болезнь «государственного организма», а в избрании на престол династии Романовых усматривал симптом «выздоровления». История кончалась для Платонова «великой реформой народной жизни» 60-х годов XIX в., далее начиналась современность⁵. Платонов отождествлял интересы царизма и народа; по своему содержанию его концепция являлась реакционно-монархической.

Для большинства помещичье-буржуазных историков было характерно представление о самобытности исторического развития России, в частности об отсутствии в России феодальных порядков, свойственных средневековой Европе. Эта теория своеобразия русского исторического процесса объективно подводила к выводу о том, что русский народ избегит и тех революционных переворотов, которые имели место в западноевропейских странах. С концепцией о наличии в России феодальных порядков в так называемый «удельный период» ее истории выступил Н. П. Павлов-Сильванский⁶. Феодализм Павлов-Сильванский в соответствии с общими представлениями буржуазной историографии рассматривал прежде всего как совокупность политических и правовых институтов («рассеянность суверенитета», вассальная иерархия).

Работы Павлова-Сильванского были направлены не на изучение законов общественного развития. Его интересовали не реальные производственные отношения, а политические формы прошлого, в отрыве от способа производства, от классовых противоречий, от форм эксплуатации. Формально-юридическая схема последовательной смены «начал социального и государственного строя» России от «общины» с «мирским самоуправлением» через «боярщину-сеньерию», сословную, а затем абсолютную монархию к «новому свободному гражданскому порядку» представляла собой историческое обоснование политической платформы либеральной буржуазии.

Идейный кризис помещичье-буржуазной историографии в период империализма еще не означал, конечно, что в ней наблюдался полный застой. Даже в том идейном тупике, в который зашла эта наука, продолжалось ее своеобразное развитие. Происходила разработка новых архивных материалов, шло накопление новых фактов, совершенствовалась исследовательская техника. В работах буржуазных авторов, несмотря на

⁴ П. Н. Милюков. Очерки по истории русской культуры. Ч. 1—3. СПб. 1896—1903.

⁵ С. Ф. Платонов. Лекции по русской истории. Пг. 1915.

⁶ Н. П. Павлов-Сильванский. Феодализм в удельной Руси. СПб. 1910; его же. Феодализм в древней Руси. Пг. 1924. (1-е изд.—1907).

их в целом ложные концепции, отдельные стороны исторического процесса находили подчас более или менее верное освещение. Жизнь шла вперед, и новая тематика властно вторгалась в буржуазную историографию. В среде буржуазных историков происходило размежевание, и лучшие из них, даже оставаясь в целом на позициях буржуазной методологии, в своих исследованиях чисто стихийно делали наблюдения, прокладывая путь к научному пониманию исторической закономерности. Некоторые из них впоследствии стали советскими историками. Так, Н. А. Рожков попытался проследить воздействие экономического фактора на русский исторический процесс⁷. Он испытал известное влияние марксистской теории, но не стал марксистом и до конца своих дней остался на позициях экономического материализма.

Особое место в русской историографии периода империализма занимает М. Н. Покровский. Пройдя школу крупнейших буржуазных специалистов в области всеобщей и русской истории П. Г. Виноградова и В. О. Ключевского, он почувствовал, что ему тесно в рамках этой школы, и выход из нее — единственно возможный и правильный — нашел в марксизме. С марксистских позиций он попытался дать обобщение русского исторического процесса в своем четырехтомном труде «Русская история с древнейших времен», в котором стремился показать общественное развитие России с точки зрения взаимоотношений общественных классов и борьбы между ними. Это была попытка смелая, новаторская и для того времени во многом плодотворная. Заслуга Покровского заключалась в том, что он открыто выступил против характерной для помещичье-буржуазных историков концепции русского исторического процесса, основой которой являлись формирование и эволюция самодержавия как движущей силы общественного развития. В то же время идейные пути буржуазной методологии сковывали Покровского: при изложении истории Киевской Руси он оказался под влиянием «городовой теории» В. О. Ключевского, феодализм он во многом излагал, следуя Н. П. Павлову-Сильванскому. Недостаточное овладение марксизмом, неумение отрешиться от влияния экономического материализма привели к тому, что он не смог показать закономерную смену общественных формаций, выступил с неверной концепцией торгового капитала, рассматривал самодержавие как «торговый капитал в шапке Мономаха» и допустил ряд других ошибок принципиального характера.

Естественно, что именно Покровский, еще в дореволюционное время начавший борьбу с помещичье-буржуазной историографией, историк-большевик, деятель революции, стал во главе многих начинаний в области исторической науки после Октября.

Великая Октябрьская социалистическая революция открыла широчайшие возможности для развития марксистско-ленинской исторической науки. Марксизм-ленинизм побеждал в борьбе с буржуазной идеологией. Эта борьба В. И. Лениным и большевиками велась еще до 1917 года. К борьбе «с философской реакцией и с философскими предрассудками так называемого «образованного общества»» призывал советских ученых В. И. Ленин в 1922 г. в своей статье «О значении воинствующего материализма», указывая направление для журнала «Под знаменем марксизма»⁸.

⁷ Н. А. Рожков. Обзор русской истории с социологической точки зрения. Ч. 1—2. СПб, 1903—1905; егo же. Город и деревня в русской истории. Пг. 1923 (Изд. 1, 1902).

⁸ В. И. Ленин. Соч. Т. 33, стр. 202.

С начала 20-х годов советские историки (М. Н. Покровский, В. И. Невский, В. В. Адоратский, Ц. Фридлянд, С. Т. Кривцов и др.) выступают с критическими статьями по поводу книг по философии, методологии истории, социологии, вышедших как в нашей стране, так и за рубежом. В. И. Невский писал в статье «Нострадамусы XX века»: «Гибелью, тлением, средневековым мракобесием веет ныне от буржуазной философской мысли. Философия мертвой реакции — вот как можно назвать все писания буржуазных философов нашего времени. Классу будущего, даже если его ждут временные поражения и неудачи, нечего ждать и брать от этой философии в такие моменты»⁹.

В 20-х годах на страницах ряда журналов были подвергнуты критике книги А. С. Лаппо-Данилевского «Методология истории»¹⁰, Л. П. Карсавина «Введение в историю»¹¹, Р. Ю. Виппера «Кризис исторической науки»¹² и «Круговорот истории»¹³, С. Л. Франка «Очерк методологии общественных наук»¹⁴, П. А. Сорокина «Система социологии»¹⁵ и т. д. В этих книгах, вышедших в первые годы после Октябрьской революции, реставрировались старые идеалистические теории. Ко всем им применимо то, что писал Ц. Фридлянд о работе Виппера «Круговорот истории»: «Эпоха социальной революции пролетариата, как и великий буржуазный переворот конца XVIII ст., породили реакционную идеологию отчаяния и иллюзионизма среди гибнущих классов общества»¹⁶.

Представители враждебной марксизму ленинизму русской помещичье-буржуазной историографии идейно искались модными на Западе течениями философской мысли, представленной в работах М. Вебера, О. Шпенглера и др. В статье «Освальд Шпенглер как историк» А. Вульфius, отмечая, что книга последнего «Закат Европы» с ее «идеей судьбы, определяющей собою ход истории», «производит впечатление не научного труда, а крупного творения духа», указывал: «Все крупные исторические деятели не познавали истории научно, а чувствовали роковой ход ее физиогномическим тактом»¹⁷. Ученые-марксисты (А. М. Деборин и др.), оценивая философско-историческую концепцию Шпенглера, в противоположность эпигонам буржуазной историографии указывали, что она ведет к отрицанию прогресса, к крушению науки и объективного знания¹⁸.

Идеализм в области философии, характерный для мировоззрения ряда буржуазных историков, определял и их историческую методологию. После Октябрьской революции в нашей стране продолжал свою деятельность ряд известных буржуазных историков. В качестве методологиче-

⁹ В. И. Невский. Нострадамусы XX века. «Под знаменем марксизма». 1922. № 4, стр. 100.

¹⁰ А. С. Лаппо-Данилевский. Методология истории. Вып. 1. Пг. 1923; М. Н. Покровский. О книге акад. Лаппо-Данилевского. «Под знаменем марксизма». 1923, № 4—5; В. И. Невский. Рецензия на книгу А. С. Лаппо-Данилевского. «Печать и революция». 1923, кн. 7.

¹¹ Л. П. Карсавин. Введение в историю (теория истории). Пг. 1920.

¹² Р. Ю. Виппер. Кризис исторической науки. Казань. 1921; М. Н. Покровский. Проф. Р. Виппер о кризисе исторической науки. «Под знаменем марксизма». 1922, № 3.

¹³ Р. Ю. Виппер. Круговорот истории. Берлин. 1923; Ц. Фридлянд. Круговорот профессора истории. «Печать и революция», кн. 6, 1923.

¹⁴ С. Л. Франк. Очерк методологии общественных наук. М. 1922; С. Кривцов. «Методология общественных наук» гражд. С. Франка. «Под знаменем марксизма». 1922, № 3; В. Адоратский. Рецензия на книгу С. Л. Франка. «Печать и революция», 1922, № 6.

¹⁵ П. А. Сорокин. Система социологии. Т. I—II. Пг. 1920; М. А. Рейснер. Рецензия на книгу П. А. Сорокина. «Печать и революция», 1921, кн. 2.

¹⁶ Ц. Фридлянд. Указ. соч., стр. 19.

¹⁷ А. Вульфius. Освальд Шпенглер как историк. «Анналы», № 2, 1922, стр. 22, 30.

¹⁸ А. М. Деборин. Гибель Европы или торжество империализма. «Под знаменем марксизма». 1922, № 1—2.

ской основы исторического исследования они пытались большей частью противопоставлять марксизму-ленинизму социологию и теорию исторического процесса В. О. Ключевского. Так, С. И. Тхоржевский в статье «В. О. Ключевский, как социолог и политический мыслитель» писал, что точка зрения Ключевского помогает отказаться от «дуализма», преодолеть разрыв между «бытием» и «сознанием», ибо «факты индивидуального сознания — это тоже часть бытия, не более и не менее реальная, чем факты внешнего мира»¹⁹.

В работах буржуазных историков, появившихся до 30-х годов и посвященных проблемам русской истории до XIX в., почти не чувствовалось еще влияния марксистской методологии. Лишь немногие из них (А. Е. Пресняков, например) стремились к марксизму. Историки-большевики, марксисты старого поколения, проблематикой феодального периода отечественной истории занимались мало. Молодое поколение советских историков-марксистов обратилось к этой тематике не ранее, чем во второй половине 20-х годов.

Однако изучение трудов 20-х годов по истории феодализма показывает, какое благотворное влияние уже в то время оказывала советская действительность на развитие науки; поднимаются новые актуальные темы; по-новому решаются старые вопросы, идет борьба за марксистскую методологию.

В трудах историков старой школы, опубликованных до начала 30-х годов, проблема феодализма почти не ставилась. Работы П. Г. Любомирова и П. П. Смирнова²⁰, содержащие некоторые новые наблюдения по истории торговых связей Киевской Руси, вращались в кругу представлений Ключевского о «торговом характере» Киевского государства. В трудах А. А. Шахматова²¹ (написанных еще до революции), П. П. Смирнова и др. развивалась норманская теория возникновения древнерусской государственности. Странники противоположной, антинорманской концепции, например, В. А. Пархоменко²², возражая своим противникам, также не выходили из рамок буржуазной методологии.

Немалая заслуга в изучении феодализма принадлежит С. В. Юшкову. В то время он был еще далек от марксистского понимания феодализма как общественной формации и рассматривал его (вслед за Павловым-Сильванским) прежде всего как совокупность правовых и политических институтов. Юшков связывал развитие феодальных отношений с крахом Киевского государства. В этом представлении сказались в известной мере попытка уловить аналогию между генезисом феодализма в Киевской Руси и его зарождением в странах средневековой Западной Европы на обломках античности. Но конкретные наблюдения Юшкова имели большое значение для выработки правильных представлений о социальном строе древней Руси. Работы С. В. Юшкова, П. А. Аргунова и др.²³ о киевских смердах и закупах, о псковских

¹⁹ С. Тхоржевский. В. О. Ключевский как социолог и политический мыслитель. «Дела и дни», 1921, кн. 2, стр. 168.

²⁰ П. Г. Любомиров. Торговые связи древней Руси с Востоком в VIII—XI вв. «Ученые записки» Саратовского государственного университета. 1923. Т. 1, вып. 3; П. П. Смирнов. Волзький шлях і стародавня Русь (Нариси з руської історії VI—IX вв.). Київ. 1928.

²¹ А. А. Шахматов. Древнейшие судьбы русского племени. Пг. 1919.

²² В. А. Пархоменко. У истоков русской государственности (VIII—XI вв.). Л. 1924.

²³ С. В. Юшков. Феодальные отношения в Киевской Руси. «Ученые записки» Саратовского государственного университета. 1925. Т. 3, вып. 4; его же. К вопросу о смердах. «Ученые записки» Саратовского государственного университета. 1923. Т. 1, вып. 4; П. А. Аргунов. О закупах Русской Правды. «Известия Академии наук СССР». 7 серия. № 10, Отд. общественных наук. Л. 1934; С. В. Юшков. Псковская аграрная революция в конце XV в «Записки Научного общества марксистов», 1928,

смердах и изорниках подводили к выводу о феодальном характере зависимости указанных категорий сельского населения от землевладельцев, хотя авторы и не поднимали вопрос о сущности производственных отношений, определявших эту зависимость.

Проблема «вотчинного режима» в Северо-Восточной Руси явилась предметом специального исследования С. Б. Веселовского²⁴. Он сделал ряд очень важных наблюдений над источниками относительно иммунитета служилого землевладения, но вопрос о его происхождении разрешил в чисто идеалистическом плане, объявив его результатом княжеского пожалования. В теоретическом отношении это был шаг назад даже от Павлова-Сильванского. С критикой концепции Веселовского выступил А. Е. Пресняков²⁵, который видел источник иммунитета в вотчинном праве землевладельца, но не выводил это право из системы феодальных производственных отношений.

В 20-х годах появился ряд работ по колонизации Руси в период создания единого государства в XIV—XVI веках. Среди них выделяется книга М. К. Любавского «Образование основной государственной территории великорусской народности», в которой собран богатый материал по исторической географии XIV—XVI веков²⁶. Колонизации русского Севера посвящены исследования С. Ф. Платонова²⁷ и др. В методологическом отношении эти работы не отличались от исследований дореволюционного времени. В частности, для них характерна недооценка крестьянского движения и классовой борьбы в процессе колонизации.

Значительный интерес представляют основанные на обширном новом материале исследования, посвященные вотчинному землевладению и хозяйству XV—XVI вв., церковному, монастырскому, помещичьему (А. А. Савич, Б. Д. Греков и др.)²⁸. В этих исследованиях еще в значительной мере господствовали представления дореволюционной историографии о характере земельных отношений (еще не изжитый формально-юридический подход к проблеме, отождествление товарно-денежных отношений с капиталистическим хозяйством и т. д.), не раскрывались черты феодального способа производства. Но материал по экономике и социальным явлениям, собранный и систематизированный авторами названных трудов, представлял научную ценность и основу для последующих обобщений с марксистских позиций.

Большое место в проблематике 20-х годов занимал вопрос о крестьянском закрепощении. С. Б. Веселовский, С. И. Тхоржевский, И. И. Полосин²⁹ и др., продолжавшие в разработке этого вопроса традиции доре-

№ 3 (11); П. А. Аргунов. Крестьянин и землевладелец в эпоху Псковской Судной грамоты. «Ученые записки» Саратовского государственного университета. Т. IV, вып. 4, 1925.

²⁴ С. Б. Веселовский. К вопросу о происхождении вотчинного режима. М. 1926.

²⁵ А. Е. Пресняков. Вотчинный режим и крестьянская крепость. «Летопись занятий Постоянной Историко-Археологической комиссии». Вып. I (34). Л. 1927.

²⁶ М. К. Любавский. Образование основной государственной территории великорусской народности. Л. 1929.

²⁷ С. Ф. Платонов. Прошлое русского Севера. Пг. 1923.

²⁸ А. А. Савич. Соловецкая вотчина XV—XVII вв. Пермь. 1927; Б. Д. Греков. Очерки по истории хозяйства Новгородского Софийского дома XVI—XVII вв. «Летопись занятий Археологической комиссии». Вып. 33. Л. 1926; вып. 34. Л. 1927; е го же. Помещичье хозяйство в XVI—XVII вв. в Новгородской области. «Ученые записки» Института истории Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН). Т. 6. М. 1928, и др.

²⁹ С. Б. Веселовский. Из истории закрепощения крестьян (отмена Юрьева дня). «Ученые записки» Института истории РАНИОН. Т. 5. М. 1929; С. И. Тхоржевский. Поместье и крестьянская крепость. К истории земледельческого труда 16—17 вв. «Архив истории труда в России». Кн. 11—12. Пг. 1924; И. И. Полосин. Поместное право и крестьянская крепость. «Ученые записки» Института истории РАНИОН. Т. 4. М. 1929.

волюционной историографии, сделали тем не менее ряд важных наблюдений, например, о связи закрепощения крестьян с развитием поместной системы. В трудах этого времени Б. Д. Грекова³⁰ еще не была поставлена проблема происхождения крепостного права в связи с развитием феодальных отношений. Однако введение «заповедных лет» для крестьянского перехода он уже связывал с распространением барщинного хозяйства.

С позиций дореволюционной буржуазной историографии трактовалась в ряде исследований политическая история XVI — начала XVII века. В книге А. Е. Преснякова «Московское царство»³¹, написанной очень талантливо и ярко, воспроизведена старая концепция о закрепощении сословий государством в общенародных нуждах. В работах С. Ф. Платонова и Р. Ю. Виппера проводится апология крепкой государственной власти (которой придается надклассовый характер) в лице Ивана Грозного, Бориса Годунова³². Мастерски очерченный в книге Виппера всемирно-исторический фон, на котором выступает деятельность Грозного, используется автором в целях наиболее рельефного показа идеализированного облика последнего. Буржуазная концепция «Смуты» начала XVII в. как болезни государственного организма, как проявления анархии была воспроизведена в книгах С. Ф. Платонова и Ю. В. Готье³³. С иной трактовкой «Смуты» выступил Н. Н. Фирсов³⁴, назвавший ее «крестьянской революцией», происходившей в условиях торгово-капиталистического развития. Марксистская оценка событий начала XVII в., когда массовое антифеодальное движение с его апогеем в виде крестьянской войны под предводительством И. И. Болотникова проходило в условиях иностранной интервенции, была сделана позднее.

В исторической науке 20-х годов еще не было осознано ленинское замечание о XVII столетии как начале «нового периода русской истории»³⁵. Помещичье-буржуазная историография, если и начинала с XVII в. новый период, то делала это искусственно (указывая, например, на такой момент, как «европеизация» России). Последователи М. Н. Покровского рассматривали XVII столетие как время господства торгового капитализма. Но, несмотря на то, что в ряде работ не было достигнуто правильное теоретическое понимание многих явлений XVII—XVIII вв., их изучение дало в некоторых отношениях положительные результаты. Появились труды по истории крепостного хозяйства Л. Н. Юровского, А. А. Новосельского, Б. Д. Грекова и др.³⁶. Изучались документы отдельных землевладельческих архивов, а в работе Грекова была сделана попытка исследовать массовый материал, характеризующий социально-экономические отношения.

В ряде книг и статей, вышедших в 20-х годах, рассматривалась история различных отраслей промышленности XV—XVIII вв.: текстильной, металлургической, каменностроительной и т. д.³⁷. Поднимались

³⁰ Б. Д. Греков. Юрьев день и заповедные годы. «Известия Академии наук СССР», 6-я серия. Т. 20, № 1—2. Л. 1926.

³¹ А. Е. Пресняков. Московское царство. Пг. 1918.

³² С. Ф. Платонов. Иван Грозный (1530—1584). Пг. 1923; его же. Борис Годунов. Пг. 1921; Р. Ю. Виппер. Иван Грозный. М. 1922.

³³ С. Ф. Платонов. Смутное время. Пг. 1923; Ю. В. Готье. Смутное время. СПб. 1921.

³⁴ Н. Н. Фирсов. Крестьянская революция на Руси в XVII в. М.-Л. 1927.

³⁵ См. В. И. Ленин. Соч. Т. 1, стр. 137.

³⁶ Л. Н. Юровский. Саратовские вотчины. Саратов. 1923; А. А. Новосельский. Вотчинник и его хозяйство в XVII веке. М. 1929; Б. Д. Греков. Опыт обследования хозяйственных анкет XVII в. «Летопись занятий Археографической комиссии». Вып. 35. Л. 1929, и др.

³⁷ Б. И. Сыромятников. Очерки истории русской текстильной промышленности в связи с историей русского народного хозяйства. Иваново-Вознесенск. 1925; П. П. Смирнов. Московские ткачи XVII в. и их привилегии. Ташкент. 1928; А. В. Бэ-

вопросы истории ремесла и мануфактуры. Исследовались судьбы отдельных промышленных заведений и промышленное развитие некоторых районов. Приводился в систему извлекаемый из архивов материал, и ставились новые задачи, подводящие к обобщениям в области проблемы промышленного развития России в феодально-крепостную эпоху. Весьма примитивный опыт такого обобщения был сделан в книге И. М. Кулишера³⁸. Значительный интерес представляет посвященная русской промышленностью XVIII — начала XIX в. книга П. Г. Любомирова³⁹, в которой автор не смог, однако, преодолеть буржуазной методологии.

Довольно много в 20-х годах вышло работ по истории торговли (внутренней и внешней) в XVI—XVIII веках. Изучались предприятия именитых людей Строгановых (А. А. Введенский и др.), ряда гостей и купцов XVII в. (С. В. Бахрушин и др.)⁴⁰. Началось исследование таможенных книг XVII века⁴¹. Рассматривались судьбы торговых компаний XVIII века. В области внешней торговли исследовались русско-английские, русско-голландские, русско-китайские, русско-индийские связи, сношения России со Средней Азией⁴² и т. д. Общий очерк истории торговли (преимущественно внешней) написал И. М. Кулишер⁴³. Как правило, работы 20-х годов, посвященные торговле, или носили описательный характер, или излагали материал с позиций теории торгового капитализма. Марксистское понимание рынка как проблемы не только обмена, но и производства еще не получило творческого раскрытия на конкретном материале. Поэтому оставалась не раскрытой и ленинская концепция «нового периода русской истории», начинающегося со складывания всероссийского рынка. Но само внимание к экономической истории, несомненно, явилось следствием вызванной революцией актуализации исторической тематики.

Октябрьская революция выдвинула новую научную проблему — историю рабочего класса в России. Помимо переиздания старых работ, еще далеких от марксистского освещения вопроса⁴⁴, появляются новые труды (их еще также нельзя назвать марксистскими), трактующие указанную проблему в целом для периода крепостнического строя или же освещающие ее применительно к определенным отраслям промышленности⁴⁵.

р о д и н. На заре русской заводской промышленности. Русская железная и чугунолитейная промышленность в XVII в. М. 1927; А. Н. Сперанский. Очерки по истории Приказа каменных дел Московского государства. М. 1930, и др.

³⁸ И. М. Кулишер. Очерк истории русской промышленности. Пг. 1922.

³⁹ П. Г. Любомиров. Очерки по истории русской промышленности в XVII, XVIII и начале XIX в. Л. 1930.

⁴⁰ А. А. Введенский. Аника Строганов в своем сольвычегодском хозяйстве. «Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову». Пг. 1922; его же. Происхождение Строгановых. Вологда, 1923; С. В. Бахрушин. Научные труды. Тт. II, III, ч. I. М. 1954—1955, и др.

⁴¹ К. В. Базилевич. Торгозля Великого Устюга в середине XVII в. «Ученые записки» Института РАНИОН. Т. 4. М. 1929, и др.

⁴² И. И. Любименкс. Московский рынок как арена борьбы Голландии с Англией. «Русское прошлое». 1923. № 5; его же. Торговые сношения России с Англией и Голландией с 1553 по 1649 г. «Известия Академии наук СССР». 7 серия, № 10. Отд. общественных наук. Л. 1933; В. Трапезников. Торговые сношения англичан с Россией через Северный край в XVI—XVII вв. «Северный край», Вологда. 1922, кн. 1; В. А. Кордт. Русское зерно на голландском рынке в 30-х годах XVII в. «Техника, экономика и право», Киев, 1925, № 1; Б. Г. Курц. Русско-китайские сношения в XVI, XVII и XVIII столетиях. Харьков. 1929; А. В. Панков. К истории торговли Средней Азии с Россией. «В. В. Бартольд, его ученики и почитатели». Ташкент. 1927, и др.

⁴³ И. М. Кулишер. История русской торговли (до XIX в. включительно). Пг. 1923.

⁴⁴ М. С. Балабанов. Очерки по истории рабочего класса в России. Ч. 1. Крепостная Россия. М. 1926.

⁴⁵ К. А. Пажитнов. Положение рабочего класса в России. Т. 1. Период крепостного труда. Пг. 1923; его же. Промышленный труд в крепостную эпоху. Л. 1924; Ю. И. Гессен. История горнорабочих СССР до 60-х гг. XIX в. М. 1926, и др.

Другая тема, к которой привлекла внимание Октябрьская революция,— это классовая борьба и особенно крестьянские движения под предводительством И. И. Болотникова, С. Т. Разина, Е. И. Пугачева. В 20-х годах был опубликован ряд работ, посвященных или проблеме во всем ее объеме, или какому-либо конкретному проявлению классовой борьбы. Был мобилизован новый материал, сделано много конкретных наблюдений⁴⁶. Советские историки постепенно приближались к пониманию крестьянских войн как антифеодальных движений, представлявших собой одну из форм социального протеста против крестьянского закрепощения и усиления крепостного гнета. Однако такое понимание далось не сразу. В трактовке проблемы было еще много неясного и ошибочного. В качестве причин крестьянских войн указывались изменения в экономике, связанные с развитием торгового капитализма. Иногда эти войны рассматривались как первые буржуазные революции. Иногда отмечался их якобы реакционный характер. Подчеркивался вопреки фактам преимущественно не крестьянский, а казачий состав участников движений. Переоценивалась организованность крестьянских восстаний.

В 20-х годах стали изучаться и городские движения XVII века⁴⁷. Вновь привлекаемый к исследованию материал обогащал представления историков о сложности социальных взаимоотношений на посаде, но на его основе еще не делались четкие выводы об антифеодальном характере городских восстаний. Значительным прогрессом в историографии 20-х годов по сравнению с помещичье-буржуазной исторической наукой дооктябрьского периода было сосредоточение внимания (хотя еще и недостаточное) на изучении форм движений рабочих людей на предприятиях феодально-крепостной эпохи⁴⁸.

В рассматриваемое время еще не ставилась во всей ее полноте проблема абсолютизма как формы политического строя, возникшей на определенной стадии развития феодального общества, при соответствующем уровне экономики и классовой борьбы. Политическая история XVIII в. нашла отражение лишь в ряде статей, посвященных отдельным вопросам законодательства, суда и управления и трактуемых большей частью в формально-юридическом плане, типичном для дореволюционной методологии. Много внимания уделялось времени Петра I, но обобщающие работы о его реформах оставались на уровне идеалистической помещичье-буржуазной историографии⁴⁹. Классовый характер петровских пре-

⁴⁶ В. И. Пичета. История крестьянских волнений в России. Минск. 1923; М. Я. Феноменов. Разиновщина и пугачевщина. М. 1923; С. И. Тхоржевский. Стенька Разин. Исторический очерк. Пг. 1923; его же. Народные волнения при первых Романовых. Пг. 1924; Н. Н. Фирсов. Народные движения в России. 1924; его же. Пугачевщина. Опыт социально-психологической характеристики. 2-е изд. М. 1924; С. М. Дубровский. Крестьянские войны в России XVII—XVIII вв. Сборник статей «Крестьянские войны». М. 1925; Г. Е. Меерсон. Ранняя буржуазная революция. «Вестник Комкадемии», 1925, № 13; С. Г. Томсинский. О характере пугачевщины. «Историк-марксист», 1927, т. 6; его же. Разин и разиновщина. Пугачев и пугачевщина. Казань. 1930; М. В. Нечкина. Крестьянские революции. Разиновщина и пугачевщина. М.-Л. 1930; Б. Н. Тихомиров. Разиновщина. М.-Л. 1930; С. И. Тхоржевский. Пугачевщина в помещичьей России. М.-Л. 1930.

⁴⁷ М. Н. Тихомиров. Псковский мятеж XVII века. Из истории борьбы общественных классов в России. М. 1919; К. В. Базилевич. Мятеж в Великом Устюге в 1648 г. «Ученые записки» Института истории РАН ИОН. Т. 5. М. 1928; А. Н. Штраух. Стрелецкий сунт 1682 г. М. 1928; П. П. Смирнов. Правительство Б. И. Морозова и восстание в Москве 1648 г. Ташкент. 1929.

⁴⁸ К. А. Пажитнов. Рабочее движение при крепостном праве. М. 1924; Н. И. Лебедев. Русский текстильщик в рабочем движении. Ч. 1. М. 1924. Е. В. Златоустовский. Рабочее движение в Ивановской области в XVIII веке. Иваново-Вознесенск. 1931.

⁴⁹ М. М. Богословский. Петр Великий и его реформа. М. 1920; С. Ф. Платонов. Петр Великий. Л. 1926. Подробнее работы 20-х годов по истории СССР в период феодализма рассмотрены в статьях А. А. Зиминой и А. А. Преображенского, предназначенных для тома 4-го «Истории исторической науки» в СССР (рукопись).

образований не раскрывался, а положительные стороны его деятельности как монарха превозносились.

В 20-х годах в советской историографии происходила напряженная работа теоретической мысли по усвоению ленинской концепции русского исторического процесса, в частности марксистского понимания эпохи феодализма. Такого понимания не мог дать двенадцатитомный труд Н. А. Рожкова «Русская история в сравнительно историческом освещении»⁵⁰, представлявший собой переработку его раннего исследования «Обзор русской истории с социологической точки зрения». Широкие исторические параллели, недиалектически используемые автором, не помогли уяснению закономерностей исторического развития.

В 1920 г. вышла в свет «Русская история в самом сжатом очерке» М. Н. Покровского, которая предназначалась для распространения знаний по истории нашей страны в марксистском освещении среди широких слоев трудящихся. В ней была сделана попытка показать взаимодействие базиса и надстройки. Автор сделал основной упор не на историю государства, а на экономическое развитие страны и революционное движение. Он исходил при этом из правильной предпосылки о том, что история движется через борьбу классов, в основе которой лежат материальные интересы этих классов. Труд Покровского высоко оценил В. И. Ленин, отметивший «оригинальное строение и изложение» книги, интерес, возникающий при ее чтении. В то же время В. И. Ленин считал необходимым в целях превращения книги Покровского в учебник дополнить ее хронологическим указателем, где давалось бы сопоставление буржуазной и марксистской оценки исторических явлений, с тем «чтобы не было верхоглядства, чтобы знали факты, чтобы учились сравнивать старую науку и новую»⁵¹. Это замечание В. И. Ленина показательное. В книге Покровского при всех ее положительных чертах было и много недостатков, носивших методологический характер. Она страдала схематизмом, отсутствием должного внимания к конкретным фактам гражданской истории. У Покровского не было теоретической ясности в представлениях об общественных формациях и законах их смены, он не освободился еще от воздействия буржуазной историографии, хотя и вел с нею решительную и упорную борьбу.

Эту борьбу он продолжал вести и в 20-х годах. В 1921 г. в рецензии на книгу С. Ф. Платонова «Борис Годунов» Покровский писал, что автор пользуется своеобразным «этикетом», согласно которому «нельзя ни под каким видом говорить о классовой борьбе, хотя бы вы о ней и знали». Такое «индивидуалистическое» объяснение исторических событий отвечает интересам буржуазии, которая не желает «признать, что историю делают не отдельные люди, а классы...»⁵². Критически подошел Покровский в 1922 г. к книге Р. Ю. Виппера «Иван Грозный», в которой автор, по мнению рецензента, не справился с «чрезвычайно заманчивой задачей» «изобразить Московскую Русь XVI века на фоне общеевропейских отношений того времени». Труд Виппера, по словам Покровского, «ничего не прибавляет ни к русской исторической литературе о Грозном, ни к научным лаврам автора»⁵³.

⁵⁰ Н. А. Рожков. Русская история в сравнительно-историческом освещении. (Основы социальной динамики). Т. 1—12. М.-Л. 1928.

⁵¹ В. И. Ленин. Соч. Т. 36, стр. 488.

⁵² М. Н. Покровский. Рецензия на книгу С. Ф. Платонова «Борис Годунов». «Печать и революция», 1921, кн. 2, стр. 137, 139.

⁵³ М. Н. Покровский. Рецензия на книгу Р. Ю. Виппера «Иван Грозный». «Красная новь», 1922, № 3, стр. 275—276.

В ряде статей 1922—1923 гг. Покровский подверг критике теорию происхождения самодержавия, развиваемую в помещичье-буржуазной историографии (С. М. Соловьев, Б. Н. Чичерин, В. О. Ключевский, П. Н. Милюков и др.). Он доказывал несостоятельность концепции, согласно которой борьба со степью явилась «пружинной, толкавшей вперед развитие Московского государства», неправильность точки зрения о государственном закрепощении крестьян и представления о «примитивной экономической основе», на которой «будто бы возникло русское самодержавие XVI века»⁵⁴. В полемике с Троцким Покровский возражал против заимствованного им из «кадетской историографии» тезиса о том, что самодержавие в России сложилось под влиянием потребностей страны в военной обороне от внешнего врага и что историю самодержавия следует выводить из медленного экономического развития и отсталости Русского государства⁵⁵. Критика «внеклассовой» теории русского самодержавия, характерной для помещичье-буржуазной историографии, была заслугой Покровского, хотя его собственный взгляд на самодержавие как порождение торгового капитализма также являлся заблуждением.

Для усвоения советскими историками марксистской концепции исторического процесса большое значение имела происходившая в 1928 г. дискуссия по поводу книги Д. М. Петрушевского «Очерки из экономической истории средневековой Европы». Во введении к указанной книге автор, касаясь вопросов методологии истории, излагал неокантианскую систему взглядов, заимствованную им в основном из произведения Макса Вебера. Согласно этому учению, историческая наука должна была отказаться от попыток «искать законы, обязательные для каждого общества, и ступени, по которым обязательно движется развитие каждого общества». Общие понятия, которыми оперирует историческая наука, могли претендовать только на роль «идеальных типов», мыслительных конструкций, служащих лишь «орудиями для познания индивидуальной и однократной культурной действительности», для научного истолкования «исторических индивидуумов»⁵⁶. Подобный подход к исторической теории означал, что такие понятия, как феодализм или капитализм, рассматривались не как отражение объективно существующих и закономерно сменяющих друг друга общественных формаций, а как простые логические категории, имеющие вневременный и внепространственный характер.

Неокантианская философия истории Макса Вебера имела антимарксистскую направленность. Теоретическое введение к книге Петрушевского, хотя в ней и содержались полезные конкретные выводы и наблюдения, было рецидивом буржуазной идеалистической идеологии. Во введении имелись реакционные, антимарксистские призывы освободиться «от диктатуры методологического натурализма», понять «всю беспочвенность и иллюзорную претенциозность» попыток «создать науку об обществе, о законах и ступенях его развития...». По существу реакционным было и содержащееся в труде Д. М. Петрушевского определение феодализма как организации чисто политического характера. Это якобы система «политически соподчиненных государственных сословий, обязанных каждое нести свое тягло на пользу государственного целого, осуществляя таким образом путем сложного сотрудничества принцип

⁵⁴ М. Н. Покровский. Откуда взялась внеклассовая история развития русского самодержавия. «Вестник Социалистической академии». 1923, т. 2, стр. 19.

⁵⁵ М. Н. Покровский. Правда ли, что в России абсолютизм «существовал наперекор общественному развитию»? «Красная новь». 1922, № 3 (7), стр. 144—151.

⁵⁶ Д. М. Петрушевский. Очерки из экономической истории средневековой Европы. М.-Л. 1928, стр. 44.

разделения государственного труда»⁵⁷. Тем самым возрождались помещичье-буржуазная концепция общественных сословий, организуемых государственной властью и дружно действующих на благо общества и государства, выполняя единое, полезное для всех дело. Вместо классовых антагонизмов — сотрудничество классов, вместо государственного аппарата как органа насилия меньшинства над большинством — государство как орган, сплачивающий сословия и подчиняющий их единой задаче.

Тема дискуссии по книге Петрушевского в Обществе историков-марксистов была сформулирована так: «О некоторых предрассудках и суевериях в исторической науке». В данном случае было перефразировано название введения к книге Петрушевского «О некоторых предрассудках и суевериях, тормозящих развитие науки средневековой истории». Предметом диспута были общие вопросы методологии истории. Большинство выступавших (отдавая должное научным заслугам Петрушевского) справедливо расценили его книгу в теоретическом плане как труд, заостренный против марксизма, провозглашающий возврат к идеализму. Указывалось, что книга Петрушевского — это показатель общего кризиса буржуазной теории, выражение «логического стиля буржуазной методологии истории всей послевоенной эпохи»⁵⁸. Критикуя методологию Петрушевского, участники дискуссии противопоставляли «внеисторическим понятиям», им сконструированным, марксистскую теорию общественно-экономических формаций, развитие и смена которых подчиняется объективно действующим законам.

Дальнейшим шагом на пути усвоения советскими историками учения об общественных формациях и творческого применения этой теории к выработке марксистской схемы исторического развития России были дискуссии 1930 г. по поводу вышедшей в 1929 г. книги С. М. Дубровского «К вопросу о сущности «азиатского» способа производства феодализма, крепостничества и торгового капитала».

Специальное внимание в своей книге Дубровский уделил феодализму и крепостничеству как особым, с его точки зрения, системам производственных отношений. Основой феодального способа производства является, по Дубровскому, натуральное хозяйство непосредственных производителей — крестьян, в котором земледелие соединено с домашней промышленностью, причем производимый в этом крестьянском хозяйстве прибавочный продукт присваивается земельным собственником в форме ренты продуктами. На такой основе вырастает типичная для феодального базиса политическая надстройка, характеризующаяся децентрализацией и иерархической системой взаимоотношений в среде феодалов⁵⁹. Основным признаком крепостнической формации Дубровский считал барщинное хозяйство, при котором прибавочный продукт крестьянского труда присваивается землевладельцем в форме отработочной ренты. Такая система хозяйства порождает крепостное право. В области надстроечных явлений уничтожается политическая децентрализация и «создается единое централизованное абсолютистское государство» в форме диктатуры крепостников⁶⁰. Противопоставление феодализма и крепостничества как разных общественных формаций было одной из главных ошибок Дубровского. Ведь и барщинное и оброчное хозяйство существовали при одной системе производственных отношений, земельные собственники в условиях крепостного права по своей классовой природе ничем не отличались от землевладельцев, господствовавших над крестьянами-оброчниками, а классовая сущность централизован-

⁵⁷ Там же, стр. 59, 76.

⁵⁸ «Историк-марксист», 1928, т. 8, стр. 79, 81, 86, 112, 115.

⁵⁹ С. М. Дубровский. К вопросу о сущности «азиатского» способа производства, феодализма, крепостничества и торгового капитала. М. 1929, стр. 63—64.

⁶⁰ Там же, стр. 72—74, 86—87, 90, 95.

ного крепостнического государства была такой же, что и феодального государства в условиях политической раздробленности.

Положительным итогом исследования Дубровского был его вывод о том, что торгово-капиталистической формации не существовало. За Дубровским остается также заслуга постановки важных теоретических проблем.

Дискуссии по книге Дубровского⁶¹ содействовали уяснению вопроса как о характере и закономерностях смены общественных формаций в теоретическом плане, так и о конкретных особенностях этого процесса в России. Но в ходе дискуссии были высказаны и ошибочные точки зрения. Так, А. Малышев, критикуя концепцию Дубровского, по существу, защищал представление о торговом капитализме, как особой формации, рассматривая крепостничество XVI—XVIII вв. как «своеобразную форму разложения феодализма, как результат воздействия товарно-денежных отношений, связанных с начальной стадией развития промышленного капитализма, на феодальную экономику, как своеобразную форму проникновения капитализма в сельское хозяйство»⁶². Конечно, неправильно выводить барщину из промышленного капитализма и связывать крепостничество с началом капиталистического развития. Столь же неубедителен и тезис Малышева о том, что «не только эволюция русского сельского хозяйства в сторону капитализма по прусскому пути уходит в XVI—XVII вв., но и борьба крестьян за американский путь... уже намечалась в скрытой форме, в форме борьбы против барщинной эксплуатации XVI—XVII вв.»⁶³.

Подводя в 1930 г. итоги своей деятельности и намечая новые задачи, общее собрание членов Общества историков-марксистов подчеркнуло необходимость дальнейшей борьбы с буржуазной идеологией с тем, чтобы выявить характерные черты «переживаемого периода» загнивания «буржуазной исторической науки»⁶⁴. В то же время было решено обратить особое внимание на изучение истории народов СССР. В начале 1931 г. фракция Совета Общества историков-марксистов разработала «Тезисы», в которых были сформулированы «задачи марксистской исторической науки в реконструктивный период». В «Тезисах» прежде всего был отчетливо поставлен вопрос о партийности марксистской исторической науки и снова подчеркнута необходимость решительного наступления на буржуазную историографию. Внимание историков было заострено на важности «создания истории народов СССР руками научно-исторических сил самих этих народов». Была отмечена и политическая важность этого дела, осуществление которого призвано было содействовать борьбе «как против великорусского, так и против местного национального шовинизма»⁶⁵.

Критике буржуазных концепций истории России был посвящен ряд работ начала 30-х годов: С. А. Писнтковского, Н. Л. Рубинштейна и др.⁶⁶.

⁶¹ «Против механистических тенденций в исторической науке». Дискуссия в Институте красной профессуры. М.-Л. 1930; «Спорные вопросы методологии истории». (Дискуссия об общественных формациях) Л. 1930.

⁶² А. Малышев. О феодализме и крепостничестве. «Историк-марксист», 1930, т. 15, стр. 45, 56.

⁶³ Там же, стр. 102—103. Критику взглядов А. Малышева дал Э. Газганов. Против ревизии марксо-ленинского учения о феодализме и крепостничестве. «Историк-марксист», 1931, т. 22.

⁶⁴ «Историк-марксист», 1930, т. 15, стр. 166.

⁶⁵ «Историк-марксист», 1931, т. 21.

⁶⁶ С. А. Писнтковский. Великодержавные тенденции в историографии России. «Историк-марксист», 1930, т. 17; его же. Великодержавная буржуазная историография последнего десятилетия. «Историк-марксист», 1930, т. 18—19; его же. Буржуазная историческая наука в России. М. 1931; Н. Л. Рубинштейн. Классовая борьба на историческом фронте. Иваново-Вознесенск. 1931; «Проблемы марксизма», 1931, № 3, стр. 86—112. (Доклады и прения на объединенном заседании Института истории и Общества историков-марксистов при Ленинградском отделении Коммунистической академии).

В этих работах рассматривались классовые основы дореволюционной историографии и отражение буржуазной методологии в трудах, вышедших уже в советское время. Правильно подчеркивалось наличие великодержавных тенденций в ряде книг и статей, отмечалась консервативность некоторых авторов, их стремление уйти от современной тематики. Но в ряде случаев весьма упрощенно определялись классовые основы исторических воззрений (так, по Пионтковскому, Ключевский — «идеолог торговой буржуазии деревни», Павлов-Сильванский — идеолог «чистой промышленной буржуазии») ⁶⁷. Столь же упрощенно устанавливались взаимоотношения между историческими построениями ученых и их политической программой. Наконец, во всех названных работах по историографии проявился явный нигилизм в отношении наследия дореволюционной исторической науки и трудов советских историков, еще не ставших марксистами. Впрочем, этот нигилизм понятен в условиях острой идеологической борьбы.

Критика взглядов буржуазных ученых на русский исторический процесс сопровождалась попыткой позитивного разрешения целого ряда крупных исторических проблем. К числу важнейших из них принадлежала проблема феодализма как общественной формации, ее генезиса и развития. Этот вопрос усиленно обсуждался с начала 30-х годов ⁶⁸. Большие заслуги в его разрешении принадлежат Б. Д. Грекову ⁶⁹. Он много сделал для уяснения теоретической стороны вопроса, для утверждения мысли о том, что феодальные отношения зарождаются уже в Киевской Руси и что материальной предпосылкой их возникновения является развитие пашенного земледелия. В те же годы в книге П. Н. Третьякова ⁷⁰ была на конкретном материале поставлена проблема изменения общественных форм (в частности, зарождения классового общества) в связи со сменой систем земледелия (переходом от подсечного земледелия к пашенному). Предметом дискуссии явился вопрос о том, существовал ли на Руси рабовладельческий строй. В начале 30-х годов ряд историков считал Киевскую Русь на ранней стадии ее развития рабовладельческой. В дальнейшем была выяснена неправильность этой точки зрения, чему немало содействовал Б. Д. Греков, сумевший показать общность исторических путей восточных славян и древних германцев, перешедших непосредственно от первобытнообщинного строя к феодальному.

Марксистско-ленинская постановка проблемы феодализма, естественно, выдвигала на первый план историю крестьянства как основного производящего класса феодального общества. Показателем этого является появление в 1930 г. специального сборника «Крепостная Россия» со статьями о сущности крепостного хозяйства, происхождении крепостного права, о землевладении крепостных крестьян. В сборнике имелись экскурсы и в историю крестьянских войн под предводительством Разина и Пугачева. Хотя этот сборник во многом отмечен печатью теории «торгового капитализма», в нем поднимались серьезные темы

⁶⁷ С. А. Пионтковский. Буржуазная историческая наука в России. стр. 32—33, 39.

⁶⁸ См., например, «Проблемы истории материальной культуры». М.-Л. 1933, № 3/4; «Краткое введение в историю докапиталистических формаций», М.-Л. 1934; М. Н. Тихомиров. Феодальный порядок на Руси. М.-Л. 1930, и др.

⁶⁹ Б. Д. Греков. Начальный период в истории русского феодализма. «Вестник Академии наук СССР». 1933, № 7; его же. Древний период феодализма в России. «Институт красной профессуры». М. 1934, № 2; его же. Проблема генезиса феодализма в России. «Исторический сборник». Вып. I. Л. 1934; его же. Очерки по истории феодализма в России. Система господства и подчинения в феодальной деревне. «Известия Государственной академии истории материальной культуры» (ГАИМК). Вып. 72. 1934; его же. Рабство и феодализм в древней Руси. «Известия ГАИМК». Вып. 86. 1934, и др.

⁷⁰ П. Н. Третьяков. Подсечное земледелие в Восточной Европе. «Известия ГАИМК». Т. 14, вып. I. Л. 1932.

крестьянского закрепощения и антикрепостнических крестьянских движений. В те же годы в советской историографии была поставлена проблема «вторичного закрепощения» крестьян⁷¹. Более пристальное изучение судеб русского крестьянства привело в дальнейшем большинство советских историков к убеждению, что применительно к нему нет оснований говорить о «вторичном закрепощении». В работах Б. Д. Грекова⁷² уже в те годы были заложены основы его концепции изменений в положении судеб крестьян в России в связи со сменой форм феодальной ренты (примитивная отработочная рента — натуральный оброк — денежная рента и барщина нового типа).

В связи с тем, что судьбы крестьян оказались в центре внимания историков, повысился и интерес к классовой борьбе на всех этапах истории феодализма от его ранних стадий до времени разложения. Особенно внимательно изучались крестьянские войны⁷³, вопросам разработки которых было в 1933 г. посвящено специальное совещание⁷⁴. Во время совещания было высказано много ошибочных суждений: о «периферийном» характере крестьянских движений, об их постепенном затухании, о реакционности их программы (монархизм). Но в целом дискуссия содействовала выработке в дальнейшем правильного понимания крестьянских войн как прогрессивных по своим результатам выступлений закрепощенного крестьянства против феодализма.

В начале 30-х годов велось и изучение народных движений начала XVIII в., происходивших в Астрахани в 1705 г. и на Дону под предводительством Булавина в 1707—1708 годах⁷⁵.

Изучение классовой борьбы вплотную подводило историков к проблеме классовой сущности самодержавия как органа насилия крепостнического дворянства над народными массами.

В начале 30-х годов был опубликован ряд серьезных исследований по истории ремесла, крестьянской промышленности, мануфактуры XVI—XVIII вв., по вопросу о зарождении предпролетариата⁷⁶. Была поставлена проблема генезиса капитализма. Она поднялась в ходе обсуждения вопроса о характере русской мануфактуры XVII—XVIII веков. Если часть историков и экономистов (М. Ф. Злотников, С. Г. Струмилин) рассматривала мануфактурное производство в России в указан-

⁷¹ Б. Н. Тихомиров. Проблема «вторичного» закрепощения крестьянства и крестьянский выход. «Историк-марксист», 1932, № 3/25.

⁷² Б. Д. Греков. Происхождение крепостного права в России. Сборник «Крепостная Россия». Л. 1930; его же. Главнейшие этапы истории русской феодальной вотчины. В книге «Хозяйство крупного феодала-крепостника XVII в.». Л. 1933.

⁷³ С. Симонов. Пугачевщина. Харьков. 1931; Н. М. Дружинин. Крестьянские восстания XVII в. М. 1932; С. Г. Томсинский. Крестьянские движения в феодально-крепостной России; его же. Очерки истории феодально-крепостной России. Ч. I. Крестьянские войны в эпоху образования империи. М.-Л. 1934, и др.

⁷⁴ Совещание по истории крестьянских войн (Конспективный отчет). «Исторический сборник», т. I. Л. 1934.

⁷⁵ В. И. Лебедев. Булавинское восстание (1707—1708). «Историк-марксист», 1933, т. 3 (31); его же. Булавинское восстание. М.-Л. 1934; его же. Астраханское восстание 1705—1706 гг. «Проблемы истории докапиталистических обществ». М.-Л. 1934, № 9—10; Н. С. Чаев. Булавинское восстание (1707—1708). М. 1934, и др.

⁷⁶ Б. Н. Тихомиров. Ремесло в Московском государстве XVI в. «Известия Академии наук СССР». 7 серия, № 2. Отд. общественных наук. Л. 1933; В. Н. Каширин. Крестьянская железодельная промышленность на побережье Финского залива по писцовым книгам 1500—1505 гг. «Проблемы истории докапиталистических обществ». М.-Л. 1934, № 4; его же. Крестьянская железодельная промышленность Кузнецкого края XVII—XVIII вв. «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1934, № 7—8, 9—10; Н. Б. Бакланов, В. В. Мавродин, И. И. Смирнов. Тульские и Каширские заводы в XVIII в. М.-Л. 1934. «Известия ГАИМК». Вып. 98; А. Л. Якобсон. Ткацкие слободы в XVII в. (Кадашево, Хамовники, Брейтово, Черкасво). М.-Л. 1934; Б. Б. Граве, М. В. Нечкина, А. М. Панкратова, К. Ф. Сидоров. Очерки истории пролетариата в СССР. М. 1931; А. Гайсинович. Рабочий класс в крепостную эпоху. Харьков. 1931.

ное время как капиталистическое, то другие исследователи (С. Г. Томсинский, А. И. Малышев и др.) говорили о его крепостническом характере и ввели применительно к русским условиям термин «крепостная мануфактура»⁷⁷. Лишь в процессе дальнейшего изучения конкретного исторического материала различного времени по отраслям промышленности и теоретического осмысливания проблемы генезиса капитализма в России удалось выявить сложный характер русской мануфактуры XVII—XVIII вв., характерные для которой явления нового, капиталистического способа производства пробивали себе дорогу в сложных условиях феодально-крепостнического строя. Пришлось отказаться и от термина «крепостная мануфактура», впрочем, с самого начала встречавшего возражения.

Итак, дискуссии 30-х годов по ряду коренных проблем истории феодализма являются существенными вехами на пути усвоения советскими историками марксистско-ленинской концепции отечественной истории эпохи феодализма и применения ее к разработке конкретных вопросов. Существенным недостатком этих дискуссий был некоторый догматизм. Как правило, они строились не на основе монографических исследований, которые давали бы материал для творческих теоретических обобщений.

Серьезное значение для дальнейшего развития исторической науки, и в частности для изучения феодальной формации в истории нашей Родины, имело постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 16 мая 1934 г. «О преподавании гражданской истории в школах СССР»⁷⁸. После этого постановления все яснее осознавалась важность истории как науки и как предмета преподавания, осознавалась необходимость отказаться в исторических исследованиях от схематизма, от голых социологических схем и построений и перейти к конкретному монографическому изучению проблем исторического развития на основе марксистско-ленинской теории. Возрос теоретический уровень, приобрела большую фундаментальность источниковедческая база ряда исторических работ. Однако наряду с только что отмеченными сдвигами в изучении прошлого нашей Родины под влиянием культа личности были допущены серьезные ошибки догматического и субъективистского характера, выразившиеся, в частности, в неправильной оценке научного наследия М. Н. Покровского, крупнейшего советского историка-марксиста 20-х — начала 30-х годов.

Попытка разобраться в характере и причинах ошибок Покровского была предпринята Институтом истории АН СССР. Были изданы два сборника⁷⁹, в которых подверглись разбору взгляды Покровского на ряд вопросов истории СССР, в том числе периода феодализма (генезис и развитие феодализма, значение татаро-монгольского ига, возникновение централизованного государства и складывание самодержавия, вопрос о крестьянских войнах, характер реформ Петра I и т. д.), и были показаны общие и конкретные недостатки, присущие работам Покровского. Однако при решении этой задачи не была соблюдена должная объективность, было утрачено чувство историзма. В результате был зачеркнут крупный вклад Покровского в советскую историческую науку. Читая эти сборники, представители молодого поколения историков, не знавшие Покров-

⁷⁷ «История пролетариата СССР». Сборник I. М.-Л., 1930; «Крепостная мануфактура в России». Ч. I. Л., 1930; ч. III. Л., 1932; ч. IV. Л., 1934.

⁷⁸ «К изучению истории». М., 1946.

⁷⁹ «Против исторической концепции М. Н. Покровского». Сборник статей. Ч. I. М.-Л., 1939; «Против антимарксистской концепции М. Н. Покровского». Сборник статей. Ч. 2. М.-Л., 1940.

ского и не знакомые с развитием исторической науки в его время, не смогут составить правильного представления о месте этого ученого в советской историографии, в частности, не узнают о той большой борьбе, которую сам он вел с буржуазной методологией. Мало того, в отдельных статьях историческая концепция Покровского квалифицировалась как идейная база троцкизма. Такая оценка могла появиться лишь в условиях той обстановки, которая была порождена в связи с культом личности. «Разве ленинская оценка имеет что-нибудь общее с теми тяжкими обвинениями, которые во времена культа личности были выдвинуты против М. Н. Покровского? Ведь он, товарищи, был объявлен главой антимарксистской школы в исторической науке, и все его труды громились как проявление вульгарного социологизма, экономического материализма и буржуазной историографии», — говорил в своей речи на XXII съезде КПСС Л. Ф. Ильичев.

Такого рода «критика» в адрес видного историка-марксиста, старого большевика М. Н. Покровского привела к тому, что в исторической литературе получили хождение многие неправильные положения. Необходимость отказа от схематизма и социологизации стала восприниматься как право историка на описательность и фактографичность. Относительно прогрессивный характер некоторых явлений истории феодального государства и деятельности ряда представителей господствующего класса порою преувеличивался. Отсюда происходила излишняя идеализация действительно прогрессивных деятелей прошлого — князей, царей, полководцев и т. д., — забвение классовой сущности их мероприятий, лакировка актов внутренней и внешней политики, проводимых Иваном Грозным, Петром I и другими, иногда имевших положительные стороны, но покупавшихся дорогой ценой для народа, а иногда и отрицательных. Лакировка особенно часто допускалась при изучении внешней политики и колониального вопроса. Забывалось, что нельзя отождествлять объективно прогрессивные последствия присоединения ряда нерусских народов к России (включение в сферу более развитой экономики и культуры) с задачами и целями царизма, рассматривавшего эти народы как объект агрессии и эксплуатации.

Но, несмотря на ошибки, имевшие место в период культа личности, разработка конкретных вопросов истории феодализма продолжалась⁸⁰. Это происходило, в частности, как в процессе создания учебных пособий и обобщающих трудов, так и монографического исследования отдельных проблем.

Были написаны первые учебники по истории СССР для исторических факультетов высших учебных заведений. В основу учебников было положено два важных принципа: русская история должна быть показана в связи с историей других народов нашей Родины; отечественная история не должна быть оторвана от всемирно-исторического процесса. Поскольку это был первый опыт составления учебников, многие вопросы приходилось поднимать заново, решать исследовательски.

В двух изданиях первого учебника для исторических факультетов⁸¹ эпоха феодализма освещалась в первом томе (до конца XVIII в.) и частично (первая половина XIX в.) во втором. В учебнике были разработаны основы периодизации отечественной истории и намечено решение главнейших проблем, в разработке которых ведущая роль принадлежала Б. Д. Грекову, С. В. Бахрушину, К. В. Базилевичу, М. Н. Тихомирову и другим советским историкам.

⁸⁰ В данной статье не рассматривается литература по истории отдельных народов СССР, которая требует специального изучения.

⁸¹ «История СССР». Т. 1. Под ред. Б. Д. Грекова, С. В. Бахрушина и В. И. Лебедева. М. 1939; 2-е изд. М. 1948; Т. 2. Под ред. М. В. Нечкиной. М. 1940; 2-е изд. М. 1949; 3-е изд. М. 1954.

Вскоре начали выходить в свет и другие учебники (для педагогических институтов, педагогических училищ)⁸² и общие курсы истории СССР периода феодализма, а также истории народного хозяйства, государства и права и т. д.⁸³

Все указанные выше учебники и курсы являлись шагом вперед по сравнению с «Русской историей в самом сжатом очерке» М. Н. Покровского. В них давалось изложение гражданской истории, были преодолены схематизм и социологизация. Дальнейшее развитие исторической науки приводило к тому, что отдельные положения учебников и курсов старели и требовали пересмотра.

Наряду с учебниками стали готовиться коллективные труды обобщающего характера. Среди них наибольшее значение имеют «Очерки истории СССР» в девяти томах, в которых излагается история нашей Родины с древнейших времен до начала XIX века⁸⁴. Первый том этого издания посвящен первобытнообщинному и рабовладельческому строям на территории СССР, второй — генезису феодализма, следующие семь томов — феодальной эпохе (до конца XVIII века). В составлении «Очерков» принял участие большой коллектив историков СССР, принадлежащих к разным поколениям ученых. В этом издании подведены итоги развития исторической науки в области изучения докапиталистических формаций у различных народов нашей Родины, а некоторые проблемы поставлены заново и разработаны исследовательски. «Очерки» выявили и достижения и пробелы в изучении как дофеодальной, так и феодальной эпох, наметили первоочередные проблемы для дальнейшего исследования. Одной из важных задач «Очерков» (разрешенной на протяжении всего издания не всегда одинаково удачно) являлось раскрытие исторических связей между народами СССР.

Оборвавшийся, к сожалению, на первых двух томах коллективный труд «История культуры древней Руси»⁸⁵ раскрыл на богатом материале археологических памятников и письменных источников высокий для своего времени уровень материального производства и богатство духовной культуры русского народа в домонгольский период.

Большой научный интерес представляет «История Москвы»⁸⁶, в первых трех томах которой всесторонне обрисован облик феодального города — столицы Русского государства. Много важных вопросов городского развития в позднефеодальную эпоху поднято на примере Петербурга в коллективном труде «Очерки истории Ленинграда»⁸⁷. Написаны и очерки истории других городов.

В обобщающем многотомном труде «Всемирная история» правдиво показано место нашей Родины в мировом историческом процессе⁸⁸. Это издание наглядно раскрывает лживость ряда концепций зарубежной буржуазной историографии, искажающих прошлое России, умаляющих ее значение во всемирной истории.

⁸² «История СССР». Т. I. Под ред. В. И. Пичета, М. Н. Тихомирова и А. В. Шестакова. М. 1941; М. Н. Тихомиров. История СССР. Ч. I. Учебник для педучилищ. М.-Л. 1947; М. Н. Тихомиров, С. С. Дмитриев. История СССР. Т. I. М. 1948.

⁸³ В. И. Лебедев. История СССР до XIX в. Лекции. М. 1939; изд. 2-е. М. 1945; К. В. Базилевич, Г. А. Новицкий. История СССР от древнейших времен до конца XVIII в. Учебное пособие... Ч. I. М. 1946; К. В. Базилевич. История СССР от древнейших времен до конца XVII века. Курс лекций... М. 1950; П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР. Т. I (Изд. 1-е. 1947; изд. 4-е. М. 1956); С. В. Юшков. История государства и права СССР. Ч. I, изд. 3-е. М. 1950 (изд. 1-е 1940).

⁸⁴ «Очерки истории СССР». М. 1953—1958.

⁸⁵ «История культуры древней Руси». Т. 1—2. М.-Л. 1948—1951.

⁸⁶ «История Москвы». Т. 1—3. М. 1952—1954.

⁸⁷ «Очерки истории Ленинграда». Т. I. М.-Л. 1955.

⁸⁸ «Всемирная история». Т. 1—6. М. 1955—1959.

В «Истории дипломатии» достаточно выпукло выявлена роль России в системе международных отношений⁸⁹.

Теоретическому осмысливанию ряда проблем общественного развития нашей Родины в период феодализма весьма помогли научные дискуссии, из которых наибольшее значение имела дискуссия о периодизации русской истории в эпоху феодализма и капитализма, развернувшаяся в 1949—1951 гг. на страницах журнала «Вопросы истории»⁹⁰. В процессе этой дискуссии на конкретном материале были обоснованы (в соответствии с теоретическими указаниями В. И. Ленина) хронологические рамки господства феодализма в России (IX—середина XIX в.), намечены этапы в пределах феодальной формации (генезис феодализма, время его расцвета, время зарождения капитализма и разложения феодально-крепостнического строя), прослежено взаимоотношение базиса и надстройки, раскрыта роль классовой борьбы на разных этапах феодального развития. Многие остались спорными, не вполне еще ясным, дискуссионным, требующим дальнейшего изучения. К числу таких не вполне ясных моментов принадлежит, например, вопрос о генезисе феодализма и о закономерностях перехода ряда народов, в том числе и восточных славян, от первобытнообщинного строя к феодализму; проблема первоначального накопления в России; вопрос о начале, характере и темпах социального расслоения в городе и деревне в «новый период» русской истории и т. д.

Менее продуктивной была дискуссия об основном экономическом законе феодализма⁹¹. Ее неудача объясняется, надо думать, тем, что вместо попыток раскрыть глубокие закономерности, которым подчиняется развитие феодального общества, дело свелось главным образом к поискам точной формулы основного закона феодализма. Были проведены дискуссии о формах собственности, о товарном производстве.

Значительные успехи были достигнуты в области монографического исследования ряда проблем феодального развития России. Комплексное изучение на основе марксистско-ленинской методологии данных письменных источников, археологии, этнографии, лингвистических материалов позволило наметить пути классового образования у восточных славян, приведшие к зарождению у них феодальных отношений и появлению первых политических образований. Если многие буржуазные авторы представляли восточных славян бродячими охотниками и рыболовами, то советские историки и археологи доказали, что основой их экономики было издревле земледелие. Киевская Русь предстала в новом свете. В дореволюционной буржуазной литературе считалось, что причиной ее хозяйственного роста являлась внешняя торговля, развитием которой были якобы вызваны к жизни города как стоянки вооруженных купцов. В работах Б. Д. Грекова, С. В. Юшкова, В. В. Мавродина и др.⁹² было показано, что экономическое развитие Киевской Руси определялось прежде всего ростом производительных сил в сельском хозяйстве. Именно в этой сфере создавались в первую очередь материальные предпосылки для перехода к классовому обществу. В процессе разложения первобытнообщинных отношений и классового образования происходило становление феодального способа производства и создание раннефеодального Киевского государства.

Некоторые ученые (А. В. Шестаков, П. П. Смирнов, Б. И. Сыромят-

⁸⁹ «История дипломатии». Изд. 1-е. Т. I. М. 1941; изд. 2-е. М. 1959.

⁹⁰ «Вопросы истории», 1949, № 11; 1950, №№ 1—12; 1951, №№ 1—3.

⁹¹ «Вопросы истории», 1953, № 6. 1954, №№ 2, 5, 7, 8, 10, 11; 1955, №№ 1, 2, 4, 5.

⁹² Б. Д. Греков. Феодальные отношения в Киевском государстве. М.-Л. 1936; Изд. 2-е. 1937. Первое издание 1936 г. называлось: «Феодальные отношения в Киевской Руси»; его же. Киевская Русь. Изд. 6-е. М.-Л. 1953. С. В. Юшков. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.-Л. 1939; его же. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М. 1949; В. В. Мавродин. Образование Древнерусского государства. Л. 1945; его же. Древняя Русь. М. 1946 и др.

ников и др.) пытались доказать, что в Киевской Руси господствовал рабовладельческий способ производства, но эта точка зрения не была принята большинством исследователей, ибо она противоречит фактам. Последние свидетельствуют о том, что рабский труд играл большую роль в хозяйстве Древней Руси, но рабовладельческий строй здесь не сложился: славяне перешли к феодализму непосредственно в результате ломки первобытнообщинного строя, минуя стадию рабовладельческой формации⁹³.

Выяснение внутренних закономерностей общественного развития восточных славян, приведших к возникновению у них государства, было наиболее чувствительным ударом по норманской теории, сводившей процесс образования государственности на Руси к фактору внешнему — приходу на Русь варягов.

В связи с вопросами генезиса феодализма и возникновения Древнерусского государства встала и проблема этнической истории восточного славянства — образования из ряда славянских племен древнерусской народности как основы трех позднее сложившихся братских народов: русского, украинского и белорусского⁹⁴.

Были заново поставлены проблемы феодальной раздробленности и образования Русского централизованного государства. Были вскрыты причины перехода Руси в начале XII в. к политической раздробленности, состоявшие в том, что наступил новый этап в развитии феодализма, характеризующийся укреплением в различных частях обширного Киевского государства феодальной собственности на землю, а также ростом городов как местных феодальных центров. В условиях натурального хозяйства эти новые явления содействовали расчленению ранее относительно единого государства на отдельные княжества, а усиление классовой борьбы, в свою очередь, толкало господствующий класс на создание и укрепление самостоятельного политического аппарата в областных центрах. Выяснение внутренних закономерностей раздробления Киевского государства было значительным научным достижением, ибо раньше этот процесс объясняли чисто внешними причинами: упадком транзитной торговли, набегами кочевников и пр. Изменился и угол зрения на характер феодальной раздробленности, которую раньше трактовали как показатель общественно-политического регресса, ибо стало ясно, что она явилась следствием закономерного поступательного развития феодального способа производства. Поэтому применительно к эволюции Древнерусского государства начала XII в. стали употреблять термины «расчленение», «раздробление», более точно определявшие существо явления, чем бывшее до этого в ходу понятие «распад».

Проблему образования и укрепления Русского централизованного государства в XV—XVI вв. советская наука стала решать как часть проблемы всемирной истории, исходя из того, что в России этот процесс был обусловлен причинами общими и для других стран (развитие общественного разделения труда, рост экономических связей, усиление антифеодального движения, требовавшего сплочения сил феодалов, и т. д.). Но учитывались своеобразные черты складывания на Руси централизованного государства, вызванные относительной слабостью русских городов, поступательным развитием крепостничества, потребностями борьбы с внешней опасностью. Особое внимание советские историки обратили на связь процесса централизации с появлением новой формы собственности (поместной системы) и закрепощением крестьян.

⁹³ Б. Д. Греков. Была ли Киевская Русь обществом рабовладельческим? «Историк-марксист», 1939, кн. 4; «Дискуссия по докладу Б. Д. Грекова» (там же).

⁹⁴ П. Н. Третьяков. Восточнославянские письмена. Изд. 2-е. М. 1953 (1-е изд. М.-Л. 1948); М. Н. Тихомиров. Происхождение названий «Русь» и «Русская земля». «Советская этнография». М.-Л. 1946. Сборник 6—7; А. Н. Насонов. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М, 1951.

Аграрной истории разных областей Русской земли в период феодальной раздробленности и образования и развития единого Русского государства посвящены работы С. Б. Веселовского, А. И. Копанева, Л. В. Даниловой и др.⁹⁵, судьбам русского крестьянства — исследования Б. Д. Грекова⁹⁶, истории ремесла и городов — работы В. Е. Сыроечковского, М. Н. Тихомирова, Б. А. Рыбакова, П. П. Смирнова и др.⁹⁷, общественно-политическим отношениям в целом в пределах отдельных княжеств — книги В. Т. Пашуто и др.⁹⁸; классовой борьбе — исследования М. Н. Тихомирова⁹⁹ и другие.

Изучая вопросы истории феодальной собственности на землю в XII—XVI вв., советская историческая наука (в противовозложность буржуазной историографии, вращавшейся преимущественно в плоскости формального анализа правовых норм) стремится уловить эволюцию системы производственных отношений. Рецидив буржуазной методологии в работах С. Б. Веселовского, посвященных вопросам землевладения, вызвал критические выступления в советской литературе¹⁰⁰.

Историю крестьянского закрепощения советские ученые рассматривают как процесс, связанный с зарождением и развитием феодального способа производства, в то время как буржуазные историки искали источник крестьянской крепости или в указной политике государственной власти, или в личном договоре земледельца с землевладельцем, сопровождавшемся выдачей последним первому денежной ссуды. Процесс крестьянского закрепощения изучается в связи с изменением форм собственности и сменой видов феодальной ренты. Специальной темой является история холопства¹⁰¹.

Советские исследователи, особенно М. Н. Тихомиров, показали роль города в феодальной экономике, раскрыли общие закономерности развития городов в России и других странах средневековья, а также специфику отечественной истории в этом отношении, изучили формы борьбы горожан за городские вольности. Доказано, что русские города выросли не как пункты внешней торговли, а прежде всего как центры сосредоточения ремесла в результате его отделения от земледелия. Выявлена несостоятельность популярной в дореволюционной историографии теории о перерастании («перегнивании») Киевской городской Руси в Русь сельскую, деревенскую. Развитие городов не прекратилось и с расчленением Киевского государства на ряд отдельных княжеств, хотя значение городов было сильно подорвано татаро-монгольским завоеванием.

Советские ученые изучили формы классовой борьбы, показали роль последней как движущей силы истории, выяснили влияние крестьянских и городских движений на характер и формы эксплуатации, на изменение политической структуры общества.

⁹⁵ С. Б. Веселовский. Село и деревня в Северо-Восточной Руси XIV—XVI вв. М.-Л. 1936; его же. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. Т. 1. М.-Л. 1947; А. И. Копанев. История землевладения Белозерского края XV—XVI вв. М.-Л. 1951; Л. В. Данилова. Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XIV—XV вв. М. 1955.

⁹⁶ Б. Д. Греков. Главнейшие этапы развития крепостного права в России. М.—Л. 1940; его же. Крестьяне на Руси. М.-Л. 1946 (изд. 2-е, кн. 1—2. М. 1952—1954).

⁹⁷ В. Е. Сыроечковский. Гости — сурожане. М.-Л. 1935. М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. Изд. 2-е. М. 1956 (изд. 1. М. 1946); его же. Древняя Москва (XII—XV вв.). М. 1947; Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М. 1948; П. П. Смирнов. Посадские люди и классовая борьба до середины XVII в. Т. 1—2. М.-Л. 1947—1948.

⁹⁸ В. Т. Пашуто. Очерки по истории Галицко-Волинской земли. М. 1950, и др.

⁹⁹ М. Н. Тихомиров. Крестьянские и городские восстания на Руси в XI—XIII вв. М. 1955, и др.

¹⁰⁰ И. И. Смирнов. С позиций буржуазной историографии. «Вопросы истории», 1948, № 10.

¹⁰¹ А. И. Яковлев. Холопство и холопы в Московском государстве XVII в. Т. 1, М.-Л. 1943.

Новые выводы и наблюдения в области социально-экономического развития России позволили по-новому осветить проблему образования Русского централизованного государства. Если дореволюционные буржуазные историки считали этот процесс результатом собирания князьями земель и власти, то советской исторической науке удалось всесторонне раскрыть социально-экономические основы процесса объединения Руси и ее политической централизации¹⁰². Дискуссия по вопросам складывания Русского централизованного государства, развернувшаяся на страницах журнала «Вопросы истории» в 1946 г.¹⁰³, позволила определить хронологические рамки этого процесса, наметить его внутренние этапы, выявить движущие силы и т. д. Определелись и наиболее узкие места, потребовавшие дополнительного исследования (сельское хозяйство, развитие земледелия, уровень развития экономики города XIV—XV веков).

Проблема формирования централизованного государства на Руси неотделима от проблемы борьбы русского народа с внешними захватчиками, и прежде всего с татаро-монгольскими завоевателями. Работы А. Н. Насонова, Б. Д. Грекова, А. Ю. Якубовского и др.¹⁰⁴ посвящены организации золотоордынского владычества над Русью и борьбе русского и других народов Руси с татаро-монгольским игом. Раскрыт весь героизм этой борьбы, спасшей страну Западной Европы от лавины татаро-монгольского нашествия, показана тормозящая роль чужеземного ига над Русью для ее дальнейшего роста, разоблачена легенда буржуазной историографии о прогрессивном якобы влиянии татаро-монголов на процесс объединения русских земель.

Советские исследователи показали, что в XIII—XV вв. русскому и другим народам нашей Родины приходилось отстаивать свою независимость не только от кочевников. Задержав на своих рубежах татаро-монгольские полчища, народы Руси в то же время отбили натиск немецких, шведских, датских и других феодалов. Героическим страницам этой вековой борьбы посвящены яркие работы Н. П. Грацианского, М. Н. Тихомирова, В. Т. Пашуто¹⁰⁵.

В книге К. В. Базилевича¹⁰⁶ впервые в литературе всесторонне рассмотрена внешняя политика сложившегося к концу XV в. и выходящего на широкую международную арену Русского централизованного государства.

Особое внимание уделила советская историческая наука укреплению Русского централизованного государства в XVI в. и реформам Ивана Грозного. Появились исследования, касающиеся новых явлений в экономической жизни страны (рост общественного разделения труда, складывание областных рынков, нарастание экономических связей внутри России и развитие внешней торговли)¹⁰⁷. Большой интерес представляет книга А. Г. Манькова о движении цен в Русском государстве XVI века¹⁰⁸.

¹⁰² В. В. Мавродин. Образование единого Русского государства. Л. 1951; Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы. Ч. 1—2. М. 1948—1951, и др.

¹⁰³ «Вопросы истории», 1946, №№ 2—4, 7, 11—12.

¹⁰⁴ А. Н. Насонов. Монголы и Русь (история татарской политики на Руси). М.-Л. 1940; Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский. Золотая Орда и ее падение. М.-Л. 1950.

¹⁰⁵ Н. П. Грацианский. Немецкая агрессия в Прибалтике в XIII—XV веках. «Историк-марксист», 1938, кн. 6; М. Н. Тихомиров. Борьба русского народа с немецкими интервентами в XII—XV вв. М. 1942; В. Т. Пашуто. Героическая борьба русского народа за независимость (XIII век). М. 1956.

¹⁰⁶ К. В. Базилевич. Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV века. М. 1952.

¹⁰⁷ С. В. Бахрушин. Научные труды. Т. I. Очерки по истории ремесла, торговли и городов Русского централизованного государства XVI—начала XVII в. М. 1952; М. В. Фехнер. Торговля Русского государства со странами Востока в XVII в. Изд. 2-е. М. 1956.

¹⁰⁸ А. Г. Маньков. Цены и их движение в Русском государстве XVI в. М.-Л. 1951.

В исследованиях Б. Д. Грекова и др. выяснены социально-экономические предпосылки перелома в жизни крестьянства, который произошел в конце XVI в. (отмена права выхода и юридическое оформление системы крепостнических отношений в общегосударственном масштабе).

В монографии П. А. Садикова¹⁰⁹ раскрыта сущность опричнины как реформы, направленной на преодоление пережитков феодальной раздробленности, на подрыв экономической мощи и политического значения крупной боярской аристократии, то есть реформы, имевшей прогрессивное значение. Показан также классовый смысл опричнины, ее роль в укреплении аппарата насилия и дальнейшего закрепощения крестьян.

Советские историки уделили внимание и внешней политике Ивана Грозного, в первую очередь Ливонской войне, выявив ее значение в деле разгрома Ливонского ордена и продвижения России к Балтийскому побережью¹¹⁰. Русско-турецкие взаимоотношения того времени рассмотрены в книге Н. А. Смирнова¹¹¹.

Вышли и обобщающие работы, посвященные деятельности Ивана Грозного. В них дана общая оценка проводившихся им мероприятий в области внутренней и внешней политики, показано их положительное значение в деле укрепления Русского централизованного государства¹¹². Для некоторых книг характерен и известный налет идеализации Ивана IV как правителя, замалчивание темных сторон и тяжелых последствий его царствования. В этом сказалось воздействие культа личности.

Сводный труд по истории русской публицистики в XVI в. принадлежит И. У. Будовницу¹¹³.

Советские историки заново пересмотрели существо тех явлений, которые имели место на Руси на рубеже XVI и XVII веков. Буржуазные авторы обозначали совокупность этих явлений взятым из источников термином «Смута», то есть нарушение обычного государственного порядка, охранявшего интересы господствующего класса землевладельцев. «Смутой» называли не только то, что произошло в стране в связи с вторжением в нее иноземных польских и шведских захватчиков, но и широкое народное антифеодальное движение. Советские исследователи отказались от понятия «Смута», отражавшего точку зрения помещичье-буржуазной историографии, и стали говорить о двух разных, хотя и совпавших по времени и оказавших взаимное влияние явлениях: крестьянской войне и польско-шведской интервенции.

Крестьянская война под предводительством И. И. Болотникова изучена И. И. Смирновым¹¹⁴, выяснившим ее причины, лозунги, движущие силы, основные этапы и общее значение как широкого антифеодального движения. Героическая национально-освободительная борьба русского народа против польско-шведской интервенции явилась темой целого ряда специальных исследований¹¹⁵.

¹⁰⁹ П. А. Садиков. Очерки по истории опричнины. М.-Л. 1950.

¹¹⁰ В. Д. Корольков. Ливонская война. Из истории внешней политики Русского централизованного государства во второй половине XVI в. М. 1954.

¹¹¹ Н. А. Смирнов. Россия и Турция в XVI—XVII веках. Т. I. XVI век. М. 1946.

¹¹² Р. Ю. Виппер. Иван Грозный. М.-Л. 1944; И. И. Смирнов. Иван Грозный. Л. 1944; С. В. Бахрушин. Иван Грозный. М. 1945, его же. Научные труды. Т. 2. М. 1954. См. также С. М. Дубровский. Против идеализации деятельности Ивана IV («Вопросы истории», 1956, № 8).

¹¹³ И. У. Будовниц. Русская публицистика XVI в. М.-Л. 1947.

¹¹⁴ И. И. Смирнов. Восстание Болотникова. 1606—1607. Изд. 2-е. 1951.

¹¹⁵ А. А. Савич. Борьба русского народа с польской интервенцией в начале XVII в. М. 1939; В. П. Мальцев. Борьба за Смоленск (XVI—XVII вв.). Смоленск. 1940; Н. Л. Рубинштейн. Возникновение народного ополчения в России в начале XVII в. «Военно-исторический сборник», 1948; И. С. Шепелев. Шведская интервенция в России в 1610—1611 гг. и отношение к ней первого земского ополчения. «Сборник

Общественно-политическое развитие России после ликвидации польско-шведской интервенции советские историки рассматривают в свете ленинского указания о том, что примерно с XVII в. начинается «новый период русской истории». Конкретные исследования советских ученых подтвердили правильность этого положения. С XVII в. идет процесс складывания всероссийского рынка, ремесло все более перерастает в товарное производство, возникают мануфактуры, в недрах феодально-крепостнической системы, еще крепкой и развивающейся, появляются первые завязи будущих буржуазных отношений. В литературе, посвященной социально-экономической истории XVII в., много места уделено ремеслу и мелкотоварному производству, формированию всероссийского рынка, городу¹¹⁶. Исследуется проблема хозяйственного освоения окраин¹¹⁷.

Новые явления в экономике, сопровождавшиеся усилением крепостнического гнета, привели к обострению классовой борьбы в городе и деревне. Специальной темой, разрабатываемой в советской историографии, являются городские восстания середины XVII века¹¹⁸. К сожалению, до сих пор еще мало изучена крестьянская война под предводительством С. Т. Разина¹¹⁹.

Недостаточное внимание уделялось политической истории XVII века¹²⁰. Из области внешнеполитической проблематики исследовались такие темы, как международное положение России в период Тридцатилетней войны, русско-турецкие, русско-крымские отношения¹²¹.

Большое значение приобрела тема освободительной борьбы украинского народа в 1648—1654 гг. и воссоединения Украины с Россией в составе Русского государства¹²². Решение этой проблемы наносит удар

научных трудов гос. пединститута». Вып. 4. Пятигорск. 1949; его же. Организация первого земского ополчения в 1611 г. «Ученые записки» Пятигорского государственного педагогического института. Ставрополь. Сб. 5, 1949, т. 6. 1951; его же. К вопросу о классовой борьбе в Русском государстве в годы польско-литовской интервенции (1608—1610 гг.). «Ученые записки» Пятигорского педагогического института. Т. 10, 1955; И. Шаскольский. Шведская интервенция в Карелии в начале XVII в. Петрозаводск. 1950; Г. А. Замятин. «Псковское сиденье» (Героическая оборона Пскова от шведов в 1615 г.). «Исторические записки», 1952, № 40.

¹¹⁶ Н. В. Устюгов. Ремесло и мелкое товарное производство в Русском государстве XVII в. «Исторические записки». 1950, № 34; К. Н. Сербина. Очерки из социально-экономической истории русского города. Тихвинский посад в XVI—XVIII вв. М.-Л. 1951; С. В. Бахрушин. Научные труды. Т. 2. Статьи по экономической, социальной и политической истории Русского централизованного государства XV—XVII вв. М. 1954.

¹¹⁷ В. И. Шунков. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII — начале XVIII века. М.-Л. 1946; его же. Очерки по истории земледелия Сибири (XVII век). М. 1956; А. А. Преображенский. Очерки колонизации Западного Урала в XVII — начале XVIII в. М. 1956.

¹¹⁸ М. Н. Тихомиров. Псковское восстание 1650 г. Из истории классовой борьбы в русском городе XVII в. М.-Л. 1935; К. В. Базилевич. Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве в 1662 г. М.-Л. 1936; П. П. Смирнов. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в. Т. 1—2. М.-Л. 1947—1948.

¹¹⁹ В. И. Лебедев. Крестьянская война под предводительством Степана Разина 1667—1671 гг. М. 1955, и др.

¹²⁰ А. В. Чернов. Вооруженные силы Русского государства в XV—XVII вв. с образования централизованного государства до реформ при Петре I. М. 1954, и др.

¹²¹ О. Л. Вайштейн. Россия и Тридцатилетняя война 1618—1648 гг. Очерки из истории внешней политики Московского государства в первой половине XVII в. М. 1947; Н. А. Смирнов. Россия и Турция в XVI—XVII вв. Т. 2. XVII век. М. 1946; А. А. Новосельский. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. Л. 1947.

¹²² «Воссоединение Украины с Россией. 1654—1954». Сборник статей. М. 1954; В. А. Голобуцкий. Освободительная война украинского народа под руководством Хмельницкого (1648—1654 гг.). М. 1954; И. Греков, В. Корольков, И. Миллер. Воссоединение Украины с Россией в 1654 г. М. 1954; А. И. Козаченко. Борьба украинского народа против иноземных поработителей, за воссоединение с Россией. М. 1954; «Освободительная война 1648—1654 гг. и воссоединение Украины с Россией». Сборник Редколлегия: В. А. Дядиченко, А. К. Касименко, Ф. П. Шевченко. Киев. 1954.

как великодержавному шовинизму, так и украинскому буржуазному нацистализму.

Рассматривая социально-экономическое развитие России в XVIII в., советские историки стремятся проследить борьбу нарастающих явлений нового капиталистического уклада с господствующей еще, но со второй половины XVIII в. уже начинающей разлагаться феодально-крепостнической системой. Центром внимания исследователей делается проблема генезиса капитализма. Важное место в социально-экономической проблематике XVIII в. занимает история промышленности¹²³. Ставится вопрос о характере рабочей силы на мануфактуре, о сочетании вольного найма с принудительным трудом, о крестьянской промышленности и перерастании мелкого товарного производства в мануфактуру.

Вопрос о характере мануфактуры XVIII в. и о генезисе капиталистического уклада в промышленности явился предметом специальной научной дискуссии¹²⁴.

С изменениями в социально-экономических отношениях, с обострением классовой борьбы был связан переход России к новой форме политической надстройки — абсолютизму. Изучая эту проблему, советские историки наибольшее внимание уделяют времени Петра I. В 1940—1948 гг. был опубликован писавшийся еще в 30-х годах и оставшийся незаконченным многотомный труд М. М. Богословского «Петр I. Материалы для биографии». Он ценен как наиболее полное собрание конкретного материала, относящегося к начальному периоду царствования Петра I. Рядом теоретически неправильных положений грешит книга Б. И. Сыромятникова¹²⁵, усматривающего буржуазный характер в петровских преобразованиях. Общая характеристика значения петровского царствования в отечественной истории дана в работах В. В. Мавродина и Б. Б. Кафенгауза¹²⁶. Реформы Петра I правильно характеризуются этими авторами как прогрессивные, но проводившиеся за счет усиления крепостнического гнета. В то же время в работах о Петре I чувствуется и его явная идеализация как правителя и человека. В книге Е. В. Спиридоновой¹²⁷ разбирается специально экономическая политика Петра. Много сделано для изучения внешней политики Петра I, особенно Северной войны, а также Азовских походов, Персидского похода¹²⁸. Специально-

¹²³ Н. Н. Дмитриев. Первые русские ситценабивные мануфактуры XVIII в. М.-Л. 1935; Д. С. Бабуриин. Очерки по истории «Мануфактур-коллегии». М. 1939; Е. И. Заозерская. Мануфактура при Петре I. М.-Л. 1947; е е же. Развитие легкой промышленности в Москве в первой четверти XVIII в. М. 1953; И. В. Мешалин. Текстильная промышленность крестьян Московской губернии в XVIII и первой половине XIX в. М.-Л. 1950; П. Г. Любимиров. Очерки по истории русской промышленности XVII, XVIII и начала XIX в. М. 1947; М. Н. Мартынов. Горнозаводская промышленность на Урале при Петре I. Свердловск. 1948; Б. Б. Кафенгауз. История хозяйства Демидовых в XVIII—XIX вв. Опыт исследования по истории уральской металлургии. Т. I. М.-Л. 1949; Н. И. Павленко. Развитие металлургической промышленности России в первой половине XVIII в. Промышленная политика и управление. М. 1953; С. Г. Струмилин. История черной металлургии в СССР. Т. I. Феодальный период (1500—1860 гг.). М. 1954; О. И. Васильевская. Черная металлургия Карелии в середине XVIII в. (1730—1770). Петрозаводск. 1954.

¹²⁴ «Вопросы истории», 1951, № 12; 1952, № 2; 1953, № 9; 1954, № 2; 1955, №№ 7, 9; 1956, №№ 6, 10; 1957, №№ 2, 8.

¹²⁵ Б. И. Сыромятников. «Регулярное» государство Петра Первого и его идеология. М.-Л. 1943.

¹²⁶ В. В. Мавродин. Петр Первый. Л. 1948; Б. Б. Кафенгауз. Россия при Петре Первом. М. 1955.

¹²⁷ Е. В. Спиридонова. Экономическая политика и экономические взгляды Петра I. М. 1952.

¹²⁸ Б. Б. Кафенгауз. Внешняя политика России при Петре I. М. 1942; е го же. Северная война и Ништадтский мир (1700—1721). М. 1944; Б. С. Тельпуховский. Северная война 1700—1721. Полководческая деятельность Петра I. М. 1946; В. П. Лушин, Н. И. Потапов. Азовские походы Петра I (1695—1696 гг.). Ростов-на-Дону. 1940; В. П. Лысцов. Персидский поход Петра I. 1722—1723. М. 1951.

му рассмотрению подверглись русско-английские отношения при Петре I¹²⁹.

Сравнительно слабо изучалась организация государственного аппарата в дворянской империи второй половины XVIII века. Наибольший интерес здесь представляют работы Я. Я. Зутиса¹³⁰.

Появился ряд работ, посвященных классовой борьбе во второй половине XVIII века¹³¹. Еще далеко не достаточно исследована крестьянская война под предводительством Е. И. Пугачева, хотя и этому вопросу уделялось внимание¹³².

В работах, посвященных второй половине XVIII в., внешняя политика исследовалась больше, чем внутренняя. Рассматривались вопросы истории Семилетней и русско-турецких войн, деятельность полководцев и флотоводцев П. А. Румянцева, А. В. Суворова, Ф. Ф. Ушакова¹³³. Положительным итогом работ советских историков является выяснение характера русского национального военного искусства, показ выдающихся заслуг русских военных деятелей. Допускалась в этом отношении и извешная идеализация, забвение (в отдельных случаях) классовых основ русской армии крепостной эпохи и классовых интересов, проявившихся в деятельности крупных полководцев того времени.

Важной темой советской историографии является присоединение нерусских народов к России. В решении этой проблемы не раз допускались односторонность или прямые ошибки буржуазно-националистического (недооценка прогрессивного характера вхождения в состав Русского государства ряда народов) или же великодержавно-шовинистического порядка (лакировка политики царизма, недооценка ее колониального характера). Однако в целом эта проблема нашла правильное решение¹³⁴.

Нет возможности перечислить работы по истории культуры XVIII века. Их очень много, и их рассмотрение могло бы послужить темой специальной статьи.

В данной статье не рассматриваются проблемы археологии и источниковедения. Но надо сказать, что исследование важных проблем отечественной истории эпохи феодализма было в значительной мере связано с публикацией ряда разнообразных и разновременных источников. Издания «Русской Правды», ряда летописных сводов, всех актов до XVI в., судебных материалов по истории крестьянских войн, промышленности, писем и бумаг Петра I, памятников русской общественной мысли и проч. обогатили науку и создали добротный фундамент для исследовательской работы.

Итак, в процессе развития советской исторической науки были достигнуты значительные результаты.

¹²⁹ Л. А. Никифоров. Русско-английские отношения при Петре I. М. 1950.

¹³⁰ Я. Я. Зутис. Политика царизма в Прибалтике в первой половине XVIII в. М. 1937; его же. Остзейский вопрос в XVIII в. Рига. 1946.

¹³¹ Я. Балагуров. Кижское восстание 1769—1771 гг. (Очерки истории восстания олонечких приписных крестьян). Петрозаводск. 1951; А. С. Черевань. Совместная борьба украинских и русских крестьян против феодального гнета в 60—70-х годах XVIII века. «Вопросы истории», 1953, № 2.

¹³² М. В. Жижка. Емельян Пугачев. Изд. 2-е. М. 1950.

¹³³ М. Н. Коробков. Семилетняя война (действия России в 1756—1762 гг.). М. 1940; Е. В. Тарле. Чесменский бой и первая русская экспедиция в Архипелаг 1769—1774. М. 1945; Е. И. Дружинина. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 г. (Его подготовка и заключение). М. 1955; Е. В. Тарле. Адмирал Ушаков на Средиземном море (1798—1800 гг.). М. 1948; Ю. Р. Клокман. Фельдмаршал Румянов в период русско-турецкой войны 1768—1774 гг. М. 1951; «Суворовский сборник». М. 1951, и др.

¹³⁴ Н. Г. Аполлова. Присоединение Казахстана к России в 30-х гг. XVIII в. Алма-Ата. 1948, и др.

Были созданы учебники и обобщающие труды по истории СССР. В ходе творческих научных дискуссий были уяснены многие коренные исторические проблемы, в том числе и относящиеся к вопросам феодализма. Был опубликован ряд крупных монографий на важные исторические темы, основанных на изучении большого количества новых источников. Положительное значение имела борьба с объективизмом и космополитизмом, хотя формы ее проведения в условиях культа личности не всегда носили строго научный характер.

Были и срывы, и неудачи, и прямые ошибки. Они объясняются прежде всего недостаточным усвоением некоторыми историками марксистско-ленинской теории, живучестью пережитков буржуазной идеологии, просачиванием в советскую историографию чуждых влияний. Особенно сковывал развитие исторической науки догматизм, как следствие культа личности, приверженность к привычным понятиям, цитатам, отсутствие смелых, новаторских обобщений. Большой ущерб исторической науке нанесли имевшие место в годы культа личности нарушения социалистической законности, в результате чего она лишилась ряда видных ученых. В историографических работах их деятельность замалчивалась и тем самым давалось неверное освещение развитию советской исторической науки в целом.

XX съезд КПСС открыл новый этап в истории советской исторической науки. Осудив культ личности и его последствия, указав на необходимость связи науки с жизнью, XX съезд освободил науку от пут догматизма и дал толчок дальнейшему развитию марксистско-ленинской теории, ее творческому применению к исследованию конкретного материала. Съезд подчеркнул важность изучения деятельности народных масс в истории. Советские историки должны были, пересмотрев те оценки исторических явлений, которые были отмечены печатью субъективизма, сосредоточить свои усилия на выяснении объективных закономерностей общественного развития. Глубокий анализ и широкие теоретические обобщения все более становятся непрременным требованием, предъявляемым к научному исследованию. Преодолеваются эмпиризм и фактографичность. Усиливается коллективное начало в работе советских историков. Так, с 1958 г. стали проводиться симпозиумы по аграрной истории стран Восточной Европы.

Дальнейшее развитие исторической науки выдвинуло задачу написания нового учебника по истории СССР для высших учебных заведений, который отразил бы все достижения, которые имелись в этой области. В новом учебнике распределение материала по томам подчинено уже периодизации по общественно-экономическим формациям. Первый том учебника, заключающий в себе материал, относящийся к первобытно-общинному и рабовладельческому строю и периоду феодализма, вышел в 1956 году.

В 1958—1961 гг. на страницах журнала «Вопросы истории» проходила дискуссия о закономерностях общественного развития России в период феодализма, открывшаяся статьей М. В. Нечкиной «О «восходящей» и «нисходящей» стадиях феодальной формации». Речь шла о двух этапах в истории феодализма, из которых на первом происходит его поступательное развитие, на втором начинается разложение. М. В. Нечкина усматривала рубеж между ними примерно в XVII столетии. Крайнюю и, на наш взгляд, мало обоснованную точку зрения высказал В. А. Голобуцкий, считавший, что «нисходящая» стадия начинается с XV века. Большинство участников дискуссии (и это, вероятно, ближе всего к истине) считало возможным говорить о разложении феодализма в России лишь

со второй половины XVIII века. В то же время Нечкина правильно подчеркивает значение XVII в. в процессе генезиса капитализма¹³⁵.

Научная литература по истории Руси до XVII в. обогатилась прежде всего рядом работ, посвященных истории земледелия, сельского хозяйства¹³⁶, города¹³⁷. Значение новых трудов по аграрной истории заключается в первую очередь в том, что удалось более наглядно представить системы земледелия, сельскохозяйственную технику, хозяйство крестьян на Руси до XVII в., то есть в тот период, от которого меньше всего дошло до нас источников.

Большой научный интерес для изучения товарного производства представляет книга В. Л. Янина¹³⁸ о денежно-весовых системах домонгольского периода, в которой на основе анализа слитков серебра и монет сделаны свежие выводы о денежном обращении в Киевской Руси.

В книге А. М. Сахарова дана конкретная картина развития городов Северо-Восточной Руси в XIV—XV веках. Дискуссионной (а на наш взгляд, неверной) является точка зрения А. М. Сахарова о том, что нельзя искать предпосылок образования Русского централизованного государства в росте городов и в экономических связях между ними, что предпосылками объединения Руси были лишь рост феодального землевладения и появление новой формы собственности на землю (поместной системы).

Для понимания истории крестьянского закрепощения большое значение имели сведения в новых документах, найденных В. И. Корецким, в частности, ссылки на доселе неизвестный указ 1592—1593 гг. с запретом крестьянского перехода¹³⁹.

Вышли в свет новые работы по истории Литовского государства, Русского централизованного государства¹⁴⁰. Авторы монографий о Русском государстве XVI в. уже отошли от той идеализации Ивана Грозного, которая была характерна для работ 40-х годов. Основное внимание они обратили на объективные процессы общественно-политического развития. В книгах И. И. Смирнова и А. А. Зимина ряд вопросов истории Руси в XVI в. решается по-разному, в частности, неординарков они понимают взаимоотношения двух групп класса феодалов — боярства и дво-

¹³⁵ «Вопросы истории», 1958, №№ 7, 9, 11; 1959, № 1; 1961, № 9. В основе статьи М. В. Нечкиной лежит ее брошюра, опубликованная на правах рукописи: «О двух основных стадиях развития феодальной формации (постановка вопроса)». М. 1954.

¹³⁶ «Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.». Вып. I—II. М. 1956—1959; А. В. Кирьянов. История земледелия Новгородской земли X—XV веков. «Труды Новгородской археологической экспедиции». Т. II. М. 1959; А. Д. Горский. Очерки экономического положения крестьян Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. М. 1960; Г. Е. Кочин. Развитие земледелия на Руси с конца XIII по конец XV в. «Вопросы экономики и классовых отношений в Русском государстве XII—XVII вв.». М.-Л. 1960; Н. А. Горская. Земледельческие орудия в центральной части Русского государства второй половины XVI — начала XVII в. «Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР». Сборник III. М. 1959, и др.

¹³⁷ М. К. Каргер. Древний Киев. Т. I—II. М.-Л. 1958—1961; М. Н. Тихомиров. Средневековая Москва в XIV—XV веках. М. 1957; А. М. Сахаров. Города Северо-Восточной Руси в XIV—XV веках. М. 1959; А. П. Пронштейн. Великий Новгород в XVI в. Харьков. 1957.

¹³⁸ В. Л. Янин. Денежно-весовые системы Русского средневековья. Домонгольский период. М. 1956.

¹³⁹ В. И. Корецкий. Из истории закрепощения крестьян в России в конце XVI—начале XVII в. «История СССР», 1957, № 1.

¹⁴⁰ В. Т. Пашуто. Образование Литовского государства. М. 1959. Л. В. Черепнин. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв. М. 1960; И. И. Смирнов. Очерки политической истории Русского государства 30—50-х годов XVI в. М.-Л. 1958; А. А. Зимин. Реформы Ивана Грозного. М. 1960; А. К. Леонтьев. Образование приказной системы управления в Русском государстве. М. 1961; Н. Е. Носов. Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI в. М.-Л. 1957.

рянства. Эти научные разногласия указывают на необходимость дальнейшего исследования проблемы.

Из исследований, посвященных проблематике внешней политики Древней Руси, следует отметить книгу М. В. Левченко о русско-византийских отношениях и монографию Б. Я. Рамма «Папство и Русь»¹⁴¹. Последняя представляет особый интерес в плане разоблачения агрессивной политики папской курии. Новое освещение русско-ордынских отношений дано в книге М. Г. Сафаргалиева¹⁴².

Большое место заняли в историографии последнего времени вопросы истории русской общественной мысли. И. У. Будовниц написал очерк развития общественной мысли на Руси с XI до конца XIV в.¹⁴³, выявил идейное содержание публицистических произведений, показал самобытность и высокий патриотизм русской литературы. Большим творческим достижением советских историков является разработка проблемы реформационно-гуманистического движения на Руси в XIV—XVI веках. Очень много сделано в области изучения так называемых «еретических» движений — антифеодальных выступлений под религиозной оболочкой. В то время как в дореволюционной историографии «ереси» изучались на основе произведений их противников и разоблачителей, ортодоксальных церковников, советским ученым удалось обнаружить произведения самих «еретиков». Если дореволюционные исследователи считали русские «ереси» результатом иноземных влияний, советской наукой доказан тезис о их самобытности, о том, что они были порождены классовой и внутриклассовой борьбой в русском обществе¹⁴⁴.

Социально-экономические явления «нового периода русской истории» были центром внимания со стороны большого числа советских историков. Появился ряд ценных работ по вопросам складывания в XVII в. всероссийского рынка. Для характеристики мануфактуры с вольнонаемным трудом большое значение имеет исследование Н. В. Устюгова о солеваренной промышленности Соли Камской¹⁴⁵. В монографии Н. А. Баклановой на материалах уникального по своему значению архива купеческой семьи Калмыковых показан процесс формирования русской буржуазии¹⁴⁶. Подвергается разработке и дискуссиям вопрос о первоначальном накоплении. В результате были уточнены представления историков по проблеме генезиса капитализма. Уяснение этой проблемы достигается ныне коллективными усилиями. Вышло в свет несколько сборников статей, в которых с разных сторон рассматривается то новое в общественном развитии России, что явилось следствием зарождения в недрах феодально-крепостнического строя капиталистических отношений¹⁴⁷. В частности, дискутируется вопрос о социальном расслоении в городе и деревне.

¹⁴¹ М. В. Левченко. Очерки по истории русско-византийских отношений. М. 1956; Б. Я. Рамм. Папство и Русь в X—XV веках. М.-Л. 1959.

¹⁴² М. Г. Сафаргалиев. Распад Золотой Орды. Саранск. 1960.

¹⁴³ И. У. Будовниц. Общественно-политическая мысль древней Руси (XI—XV вв.). М. 1960.

¹⁴⁴ А. А. Зимиин. И. С. Пересветов и его современники. М. 1958; Н. А. Казакова, Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV—начала XVI в. М.-Л. 1955; А. И. Клибанов. Реформационные движения в России в XIV—первой половине XVI в. М. 1960; Я. С. Лурье. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV—начала XVI века. М.-Л. 1960.

¹⁴⁵ А. Ц. Мерзон и Ю. А. Тихонов. Рынок Устюга Великого в период складывания всероссийского рынка (XVII век). М. 1960; Н. В. Устюгов. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII в. М. 1957.

¹⁴⁶ Н. А. Бакланова. Торгово-промышленная деятельность Калмыковых во второй половине XVII в. К истории формирования русской буржуазии. М. 1959.

¹⁴⁷ «К вопросу о первоначальном накоплении в России (XVII—XVIII вв.)». М. 1958; Ф. Я. Полянский. Первоначальное накопление капитала в России. М. 1958; «Вопросы генезиса капитализма в России». Л. 1960; «Русское государство в XVII в. Новые явления в истории России». М. 1961.

Советская наука обогатилась исследованиями и по истории крестьянства (в том числе и окраин) и его классовой борьбы в XVII веке¹⁴⁸.

На страницах журнала «Вопросы истории» велась специальная научная дискуссия о крестьянской войне начала XVII века. Речь шла о том, ограничивается ли период крестьянской войны временем народного движения под предводительством Болотникова или последнее движение было лишь кульминационным пунктом этой войны, начавшейся раньше и продолжавшейся позже. Поднимался вопрос и о том, что представляли собой так называемые попутчики восстания Болотникова, обсуждались и другие спорные моменты¹⁴⁹.

По истории восстания Разина крупных монографий в последние годы не появлялось. Эта тема затрагивалась лишь в отдельных статьях. Крестьянское движение на Украине во второй половине XVII в. детально освещено в книге Е. И. Стецюк¹⁵⁰.

Государственный строй и внутренняя политика русского правительства в XVII в. по-прежнему остаются малоисследованными темами, хотя в последнее время и вышли работы, посвященные центральному аппарату управления (приказам)¹⁵¹.

Из внешнеполитических связей России в XVII в. исследовались, кроме русско-польских отношений, отношения русско-китайские, русско-монгольские¹⁵².

Не затрагивая специально историю нерусских народов России в XVII в. (это тема отдельной статьи), отметим лишь, что особый интерес представляют труды, касающиеся связей (экономических и политических) между отдельными народами¹⁵³.

Аграрная история XVIII в. представлена рядом ценных работ¹⁵⁴. Яснее стала конкретная картина состояния земледелия в разных районах страны, урожайность, условия хозяйственного развития крестьян различных категорий и разных областей, эволюция форм феодальной ренты (и особенно районы и степень распространения денежной ренты), характер связи феодальной вотчины с рынком, степень проникновения буржуазных элементов в экономику деревни.

Еще по-прежнему мало уделяют внимания советские исследователи истории города в XVIII веке. Однако известные сдвиги в этом отношении наблюдаются. Начато порайонное обследование социально-экономическо-

¹⁴⁸ Ф. Г. Сафронов. Крестьянская колонизация бассейнов Лены и Илим в XVII в. Якутск. 1956; П. А. Колесников. Из истории классовой борьбы вологодских крестьян в XVII в. Вологда. 1957; «Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР». Сборник III—IV. М. 1959—1960.

¹⁴⁹ «Вопросы истории», 1958, №№ 3, 12; 1959, №№ 3, 7; 1960, № 6; 1961, № 5.

¹⁵⁰ К. И. Стецюк. Народні рухи на Лівобережній і Слобідській Україні в 50—70-х роках XVII ст. Київ. 1960.

¹⁵¹ А. В. Чернов. К истории Поместного приказа. «Труды» Московского государственного историко-архивного института. Т. IX. М. 1957; К. В. Софроненко. Малороссийский приказ Русского государства второй половины XVII и начала XVIII в. М. 1960.

¹⁵² Н. В. Галактионов. Из истории русско-польского сближения в 50—60-х гг. XVII в. (Андрусовское перемирие). Саратов. 1960; П. Т. Яковлева. Первый русско-китайский договор 1689 г. М. 1958; Н. П. Шастгина. Русско-монгольские посольские отношения XVII в. М. 1958.

¹⁵³ Ш. А. Месхиа, Я. З. Цинцадзе. Из истории русско-грузинских взаимоотношений X—XVIII вв. Тбилиси. 1958; В. Л. Татишвили. Грузины в Москве 1653—1722 гг. Тбилиси. 1959; С. В. Батраков. Хозяйственные связи кочевых народов с Россией, Средней Азией и Китаем (с XV до половины XVIII в.). Ташкент. 1958.

¹⁵⁴ Н. Л. Рубинштейн. Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в. М. 1957; Л. С. Прокофьева. Вотчинное хозяйство в XVIII в. По материалам Спасо-Прилуцкого монастыря. М.-Л. 1959; С. И. Волков. Крестьяне дворцовых владений Подмосковья в середине XVIII в. М. 1959; Э. С. Коган. Очерки истории крепостного хозяйства по материалам вотчин Куракиных второй половины XVIII в. М. 1960; Е. И. Дружинин. Северное Причерноморье в 1775—1800 гг. М. 1959, и др.

го развития городов¹⁵⁵. Вышло первое обобщающее исследование по таможенным книгам XVIII в., посвященное развитию внутреннего рынка¹⁵⁶. Продолжалось изучение промышленности (особенно металлургической, текстильной) и мануфактуры¹⁵⁷. Вопрос о рабочей силе на текстильных мануфактурах (ее источниках, соотношении наемного и принудительного труда) детально рассмотрен в фундаментальной монографии Е. И. Заозерской¹⁵⁸.

На характер классовой и внутрикласовой борьбы при Петре I проливает яркий свет глубокое исследование политических процессов этого времени, произведенное Н. Б. Голиковой¹⁵⁹. Новые материалы о крестьянском движении в России в 30-х — 50-х годах XVIII в. введены в научный оборот П. К. Алефиренко. Классовая борьба на мануфактурах изучена Е. И. Заозерской. Вышла в свет книга В. В. Мавродина «Крестьянская война в России в 1773—1775 годах». Это первый том трехтомного коллективного труда на данную тему¹⁶⁰.

Из внешнеполитической проблематики XVIII в. больше всего разрабатывалась Северная война. Этому крупному событию мировой истории посвящен ряд капитальных исследований¹⁶¹. В связи с 250-летним юбилеем Полтавской битвы вышли специальные сборники, осветившие это замечательное событие в жизни русского народа¹⁶². Обобщающий очерк истории армии и флота в XVIII в., написанный на новых архивных материалах, принадлежит Л. Г. Бескровному¹⁶³.

Очень много ценных исследований появилось по истории русской культуры в XVIII веке. Среди них надо отметить монографию М. М. Штранге, в которой поднимается вопрос о влиянии идей французской революции на русское общество и особенно на его разночинные слои¹⁶⁴.

В заключение необходимо отметить те новые черты в изучении истории феодального общества¹⁶⁵, которые проявились особенно отчетливо после XX съезда КПСС. Исследование основных вопросов этой формации идет широким фронтом, охватывая проблематику разных этапов развития феодального общества. При этом историки стремятся уловить глубокие внутренние процессы общественного развития, определяющие закономерности генезиса, движения вперед и разложения феодального строя,

¹⁵⁵ Ю. Р. Клокман. Очерки социально-экономической истории городов Северо-Запада России середины XVIII в. М. 1960.

¹⁵⁶ Б. Б. Кафенгауз. Очерки внутреннего рынка России первой половины XVIII в. М. 1958.

¹⁵⁷ Ф. Я. Полянский. Экономический строй мануфактуры России XVIII в. М. 1956, и др.

¹⁵⁸ Е. И. Заозерская. Рабочая сила и классовая борьба на текстильных мануфактурах России в 20—60-х гг. XVIII в. М. 1960.

¹⁵⁹ Н. Б. Голикова. Политические процессы в царствование Петра I (по материалам Преображенского приказа). М. 1957.

¹⁶⁰ П. К. Алефиренко. Крестьянское движение и крестьянский вопрос в России в 30—50-годах XVIII в. М. 1958; В. В. Мавродин. Крестьянская война в России в 1773—1775 годах. Восстание Пугачева. Л. 1961; см. также А. А. Зимин, А. А. Преображенский. Изучение в советской исторической науке классовой борьбы периода феодализма в России (до начала XIX века). «Вопросы истории», 1957, № 12.

¹⁶¹ Е. В. Тарле. Северная война и шведское нашествие на Россию. М. 1958; В. Е. Шутый. Борьба народных масс против нашествия армии Карла XII. 1700—1709. М. 1958; С. А. Фейгина. Аландский конгресс. Внешняя политика России в конце Северной войны. М. 1959; Л. А. Никифоров. Внешняя политика России в конце Северной войны. Ништадтский мир. М. 1959.

¹⁶² «Полтавская победа. Из истории международных отношений накануне и после Полтавы». М. 1959; «Полтава. К 250-летию Полтавского сражения». М. 1959.

¹⁶³ Л. Г. Бескровный. Русская армия и флот в XVIII в. М. 1958.

¹⁶⁴ М. М. Штранге. Русское общество и Французская революция 1789—1794 гг. М. 1956.

¹⁶⁵ В настоящей статье не рассматривается литература, посвященная проблемам первой половины XIX века.

выявить роль народных масс, показать значение их труда и борьбы в этом процессе. Расширяются связи с историками стран социалистического лагеря и передовыми учеными капиталистических стран. Коллективными усилиями советских и зарубежных историков подготовлен сборник статей «Международные связи России» (М. 1961).

Исторические решения XXII съезда КПСС открывают перед советскими историками новые перспективы. Сейчас перед нами стоит большая задача — создать многотомный обобщающий труд «История СССР». Видное место в нем займет история нашей Родины в период феодализма. Долг советских историков при подготовке этого труда ликвидировать «белые пятна» в изучении отечественной истории, о которых говорилось выше. Это возможно сделать лишь коллективными усилиями. И это делается. Нам представляется, что настало время подумать о написании больших коллективных обобщающих трудов по истории классовой борьбы, общественной мысли и международных отношений России в эпоху феодализма. В ближайшее время должен выйти в свет сборник статей, посвященных критике тех фальсификаций истории нашей страны, которые появляются за рубежом в буржуазной литературе. Советская медиэвистика — воинствующая медиэвистика. Советские историки вместе со своими друзьями из стран лагеря социализма ведут борьбу со всеми фальсификациями, к которым прибегают буржуазные авторы.

Актуализация тематики исторических исследований, сосредоточение усилий историков на разработке вопросов новейшей истории и истории советского общества отнюдь не означают ослабления интереса советских историков к проблемам общественного развития более ранних эпох истории.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ О. СЮЗУМОВА